

ЧАЙНЫЙ
ДОМ
ДРАКОНЬЕЙ
ЛЕДИ

РИТА АРДЕЯ

Рита Ардея

Чайный дом драконьей леди

<https://litres.ru/74221268>

Аннотация

Герцог-дракон опорочил бедняжку Лидию! Она умерла от горя. Драконья богиня не растерялась и пихнула меня на её место. Теперь мне и разбираться с женихом-предателем и бесконечными долгами её родителей. Я бы рада отказаться, только вот едва помню даже, кто я такая на самом деле. Ну ничего: я всё выясню, верну то, что отобрали у моей новой семьи коварные драконы, и покажу герцогу, что слабых девушек обижать нельзя!

Содержание

Глава 1 Из огня да в полымя	4
Глава 2 Родители не знали об этом событии	18
Глава 3 Молодой аристократ	34
Глава 4 Дар с подвохом	53
Глава 5 Чай ассам - завари сам	71
Глава 6 Светская львица	89
Глава 7 Вечер перестаёт быть томным	107
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Глава 1 Из огня да в полымя

– Это что за помои?! – заорал Герман, сметая со стола тарелку с супом. Посуда ударилась о стену, и на светлых обоях осталось ярко-алое пятно.

Мама вздрогнула, как будто стала меньше ростом.

– Это борщ, Герочка, твой любимый...

– Я идиот, по-твоему, Лариса?! Вздумала меня как свинью кормить?

– А по-моему, весьма соответствующе, – фыркнула я, копаясь в шкафчике.

Нельзя показывать Герману, что я боюсь его – он только обрадуется и будет упиваться этим. Скорее бы уйти. Сейчас быстренько перекушу – и на смену. Тяжело ходить на пары днём и работать ночью, но маме надо помогать, и на съёмное жильё откладывать. А то жить с маминым возлюбленным – такое себе удовольствие.

Вот и сейчас Герман, не сразу осознав мои слова, угрожающе приблизился ко мне. Макушкой я чувствовала его наполненное зловонием нетрезвое дыхание. Мама, ну почему ты столько лет живёшь с этим? Все эти годы я умоляла её уйти от него, но она одно твердила: «Кому нужна мать-одиночка».

Кому-то да нужна! И я уже не ребёнок на её шее, и она у меня ещё ого-го. Только неудачный опыт отношений совсем

убил в ней женщину, и потому мы живём... с этим.

Проглотив страх, я повернулась, равнодушно сталкиваясь взглядом с престарелым кабаном, именуемым Герман. Мощная шея и ненависть в маленьких глазках. Герман всякое мог выкинуть, и эта звериная непредсказуемость меня порядком нервировала.

– Ты что сказала, дрянь? – завизжал он, аж сосуды в глазах полопались. – Ты в моём доме живёшь, жрёшь мою еду, ещё вякать удумала?!

– Ничего, что это мамина квартира?

– Лариса, мне, что ли, дочурку твою воспитывать? Выростила хамку, она ещё и шляется по ночам, бабки шепчутся, что растим потаскуху! Не хватает тебе, Лидка, отцовского воспитания!

С этими словами он потянулся к ремню на брюках. Хрустнула искусственная кожа. Он мог ударить, я это знала, он хотел, чтобы я испугалась и расплакалась, умоляла его о прощении. Не на ту напал.

– Мне пора, – подчёркнуто спокойно сказала я, направляясь к двери. Лишь бы он не видел, как коленки у меня тряслись!

Да, Герман огромный и злобный, особенно когда в таком состоянии, но дальше пустых угроз обычно не заходил. И всё равно мама паниковала.

– Герочка, не надо! – зарыдала она, бросаясь к Герману.

– А ну отвалила! – рывкнул он, отшвыривая маму, как

предмет. Кажется, она ударилась спиной о стену. Он занёс руку над ней, прошипев: – Указывать мне удумала?

Этого я стерпеть не могла. Мне пусть что угодно говорит, а мать не трогает.

– Сам отвалил, свинина копчёная! – воскликнула я, подбегая и повисая на его руке, лишь бы не тронул мать.

– Ну с тобой у меня отдельный разговор, Лидка. Думаешь, взрослая самая, умная? Я тебя научу мужиков слушаться!

Он оттолкнул меня, и я вдруг почувствовала, что под ногами нет опоры. Я полетела назад, тупая боль взорвалась в затылке и наступила... Тьма. Кажется, я ещё слышала мамнины причитания, а может, я это просто придумала.

Не знаю, сколько времени прошло, но я слышала отдалённый шум воды. Моего лица коснулся ласковый тёплый ветер, а ноздри наполнил аромат трав. Тимьян, мята, лимонник – я любила собирать эти травы летом у бабушки и заваривать чай. Он всегда успокаивал маму, когда у неё с очередным кавалером не складывалось.

Мама, бабушка, чай... Как в тумане я собирала в голове отдельные образы, словно пыталась вспомнить ускользающий сон.

– Так значит, ты защитница, – слышала я певучий голос, в котором ясно читались нотки заинтересованности. – Таких у нас не хватает.

Я подняла взгляд и ахнула, сталкиваясь с нечеловеческими глазами золотого дракона. Вернее, драконицы, которая

смотрела на меня с материнским теплом.

– Здравствуйте, – прошептала я ошарашенно. Ответом мне служил переливчатый смех, который будто звучал со всех сторон, а не исходил от моей необычной собеседницы.

Вокруг порхали невероятной красоты бабочки и птицы, цвели растения, которых я никогда прежде не видела, а тело казалось лёгким и чужим.

– Это рай? – спросила я.

– Не совсем, – махнула чешуйчатым хвостом драконица. – Видишь ли, иногда в чужих мирах умирают сильные, светлые души. Я забираю их к себе, в надежде, что они сделают мой мир лучше. Я молодая богиня, потому в моём мире всё не совсем складно...

Она стыдливо прикрыла нос хвостом. Я озадаченно заморгала. Нет, пожалуй, не рай, это странный сон, но теперь, когда я пыталась вспомнить, что лежит там, за сном, я едва урывала отдельные кадры. Будто моя собственная жизнь растворялась в памяти.

Драконица расправила крыло, и я увидела, что под ним скрывалась девушка, поникшая и печальная, она уткнулась носом в колени. Драконица с сожалением посмотрела на неё.

– Это Лидия, – пояснила она мне. – Вы с ней – параллели друг друга, единая сущность в разных мирах. Но она не справилась.

Девушка подняла на меня стеклянный взгляд, и я с удивлением отметила, что мы и правда выглядим почти одина-

ково. Буйство золотых кудрей, вздёрнутый нос, россыпь веснушек – только вот её будто помыли с хлоркой, лишив всех красок.

– Но ты справишься вместо неё! – воодушевлённо воскликнула драконица. – Будешь моей златоглазой?

– Кем?

– Но тебе надо придумать дар, – с сомнением протянула она, полностью игнорируя мой вопрос. – Хм-м... Что бы тебе подошло? Что ты любила в своей прежней жизни?

Я не успела ответить, как в моей голове стали возникать отдельные образы. Дашка – лучшая подруга, Антон с третьего курса, которому я так и не призналась, мой велик с отходящей цепью, поход в Алтае, любимый плейлист и моя коллекция чашек. Каждый вечер я выбирала, в какой заварю чай, пока однажды Герман не разбил их все, сказав, что они просто собирают пыль... И моя работа в баре. «Авторские коктейли от бармена Лиды – индивидуальный рецепт для каждого клиента!»

– О, мне нравится! – радостно воскликнула драконица. – Пожалуй, таким и будет твой дар.

– Да что вы...

Кончик драконьего хвоста коснулся моего лба.

– Лидия! – торжественно объявила она. – Отныне ты – златоглазая, благословлённая богиней Маликой! Твой дар – нести облегчение израненным душам с помощью особых напитков.

– Что за дар такой странный...

– Иди же и неси мою волю, златоглазая!

– А как...

Драконий хвост легонько толкнул меня в грудь, и меня снова окружила темнота. Только на этот раз мои лёгкие раздирало от боли.

– Лидия! Лидия! Как ты могла так поступить с нами, бес-тоlochь? Ох, сердце, моё бедное сердце...

– Всё в порядке, Лерисса, – услышала я мужской голос. – Дышит.

Я открыла глаза, и их тут же запекло от слёз.

– Мама... – прохрипела я, протягивая к ней руки. Моя мама, те же глаза, те же волосы, только одежда совсем другая, будто мы попали в сериал про Екатерину Вторую.

Всхлипнув, она утёрла глаза платком.

– Дышит! – передразнила она отца. – Да быть может с её смертью мы бы очистились от этого позора, а теперь, скажи на милость, Аллен, что нам делать?

Я перевела взгляд на скромно стоящего сбоку мужчину в костюме, и узнавание пронзило мой разум.

– Отец...?

– Ничего, дочь, – пробормотал он, поправляя очки. – Ну подумаешь, позор на всё королевство! Зачем же такие глупости творить? Мы что-нибудь придумаем...

– Позор...?

– Да поглотят демоны этого поганого дракона! – взвизг-

нула мать, заламывая руки. – Думает, раз у него такой высокий титул, то ему всё можно?! Так поступить с моей бедной доченькой!

Мне казалось, я только-только очнулась ото сна, и в нём было что-то важное. Почему мне думалось, что мама должна одеваться иначе? Почему я так удивилась собственному отцу? Этот сон как будто должен был таить ответы на эти вопросы, но он растворялся зыбкой дымкой, забирая их с собой.

Я потёрла лоб, отбросила прилипшие к нему волосы и поморщилась, пытаясь обработать информацию. Позор, дракон, смерть... Только сейчас я соизволила оглядеться и обнаружила себя в мрачноватой гостиной, где стояла явно в прошлом дорогая, а сейчас – старая и потёртая мебель. Я лежала на кожаном диванчике завёрнутая в плед, а под ним было мокрое платье и тяжёлый от воды корсет с разрезанной шнуровкой. Почему-то корсет меня поразил, будто я носила его впервые.

Пожилой мужчина в больших очках собирал вещи в кожаный чемоданчик.

– Теперь жизни госпожи Лидии ничего не угрожает, – сказал он тихо. – Но следите, чтобы она не переохлаждалась. Я пропишу укрепляющую микстуру.

– А что, собственно, произошло? – спросила я, массируя виски, чтобы прогнать головную боль.

– Не помнишь? – встревоженно спросил отец. Я неуверен-

но покачала головой.

– Я помню только сон. Кажется, я видела драконицу по имени Малика...

Мама всхлипнула и заломила руки.

– Вы говорите, что её жизни ничего не угрожает, доктор! – запричитала она. – А она умом повредилась! Пристроить замуж дочь с дурной репутацией ещё можно. Мало ли пожилых вдовцов, кто захочет скрасить свои последние дни обществом хорошенькой девушки! Но что нам делать с сумасшедшей, которая во сне разговаривает с богами! С моста тебя тоже спихнула богиня?!

– Я не помню...

– Мне пора, – сообщил доктор и посмотрел на родителей с какой-то скрытой насмешкой.

– Я провожу, – заторопился отец, и они скрылись за дверью.

Мы с мамой остались одни. Она утирала наигранные слёзы платком и продолжала истерично восклицать:

– Ты совсем не жалеешь меня, Лидия! Сначала слухи и твой внезапный отъезд из столицы, который только подкрепил их, срыв помолвки, а теперь ещё и это! Думаешь, доктор не расскажет всем, что ты помешалась?

Я смотрела на неё и не могла верить ни своим глазам, ни ушам. Я всю жизнь знала её золотые кудряшки, теперь уже с первыми признаками седины, морщинки в уголках глаз и привычку заламывать пальцы, когда нервничает, но это была

не моя мама! Моя мама была не идеальна, но она не стала бы говорить мне все эти кошмарные вещи!

– Я правда видела сон, мама!

– И говорила с богиней! – фыркнула она, встряхивая платком. – Лучше помалкивай о таких вещах. Боги, какие пойдут сплетни! Нашему дому конец! Как и кому нам выдавать тебя замуж? Ты должна была поправить дела семьи, а не тянуть нас ко дну!

Мне стало обидно до слёз. Почему мама говорила так? Я только пришла в себя, у меня нестерпимо болела голова и драло лёгкие, мокрое платье облепило тело, что казалось особенно неприятным под шерстяным пледом, но вместо поддержки я получала обвинения. Я ведь даже не помнила, о чём она говорила, будто всё это меня не касалось, будто я только что попала сюда, и на меня вываливают ушат событий!

– Это несправедливо, мама, – сказала я, садясь.

– По справедливости, милая, от таких дочерей прилюдно отрекаются, а мы приняли тебе домой и даже подыскиваем выгодную партию! – подбоченилась она. – Ты представляешь, сколько мы отдали врачу за приём? А сколько стоили два порталных камня на дорогу за ним и обратно? Всё ради того, чтобы спасти твою жизнь. Так что, будь добра, докажи нам, что живой ты полезнее, чем мёртвой!

Сердце сковало болью и обидой, и я больше не смогла сдерживать слёз. Увидев это, мама картинно повалилась на

кресло, приложив руку ко лбу.

– Ну вот, теперь я плохая! А кто скажет тебе правду о жизни, если не я, Лидия? Твой папочка только и знает, как сдуть с тебя пылинки! Давай, выйди замуж за такого же слюнтяя – проживёшь всю жизнь без возможности купить новое платье на выход или нанять прислугу получше!

Я поёжилась. Мокрое платье неприятно холодило кожу. Мама покосилась на меня одним глазом и махнула рукой.

– Иди к себе и переоденься. Доктор сказал, тебе нельзя простужаться, а новый вызов врача мы не потянем.

Я рада была убраться из этой комнаты. Мне не хотелось говорить с мамой, она казалась мне совершенно чужим человеком, который совсем не желал мне добра. Потуже обмотавшись пледом, я вышла за дверь и оказалась в тёмном пустом коридоре. Деревянные панели на стенах сочетались с мрачными, кое-где пошарпанными обоями, светильники не горели. Коридор казался бесконечным и холодным. И я поняла, что не знаю, где моя комната.

Ну что за нелепость, как можно этого не знать! Но в голове была полная пустота, от которой мне стало вдруг очень страшно. Всё вокруг было чужим и враждебным.

И вдруг я услышала весёлое девичье хихиканье. Воодушевившись, я побежала на звук, ловя обрывки разговора:

– Всегда была дурочкой, такой и помрёт!

– Уже чуть не померла, но она такая неудачница, что и это у неё не вышло!

– Могу поспорить, никто её не спихивал в воду, она просто привлекает внимание! Думает, герцог узнает и прибежит, одумается и снова захочет её замуж взять!

– Драконы курносых дур с веснушками и сеном на голове замуж не берут!

Новый приступ смеха сотряс девиц, а я замерла, с ужасом понимая, что они обсуждают меня. Новый приступ обиды заставил меня стиснуть зубы. Но из их разговора я могла хотя бы понять, что произошло.

– Она на семью такой позор навлекла, что лучше бы утонула взаправду!

Я больше не могла это слушать. С пинка открыв дверь, я столкнулась взглядами с двумя служанками: невысокой полненькой брюнеткой и тощей блондинкой с чёлкой. Они ойкнули от неожиданности и синхронно сделали шаг назад.

– А теперь повторите всё мне в лицо! – воскликнула я, грозно глядя на смутившихся девушек. Они переглянулись, блондинка скривила тонкие губы, а брюнетка закатила глаза.

– А мы это не про вас, миледи, – сказала брюнетка и прыснула.

– Да, мы про другую... леди, – стрельнула глазами на подругу блондинка.

– Очень интересно. Она тоже упала в озеро с моста и расторгла помолвку с неким герцогом? Вот так совпадение! Со мной не поделитесь, что это за леди такая?

Брюнетка демонстративно схватила веник.

– Простите, миледи, у нас перерыв кончился. Работы полно.

– Обед милорду пора подавать! – нашлась блондинка и быстро убежала в неизвестном направлении. Её подруга стала усиленно мести пол.

Я почувствовала себя ещё более несчастной и одинокой. Холод пробирался под плед, мокрое платье мешало шагать, а в этом доме, похоже, у меня не было ни одного дружественного лица. Я шмыгнула носом – не от слёз, просто, кажется, меня настигла простуда.

– Лидия? – услышала я встревоженный голос отца. – Почему ты стоишь здесь? Тебе надо переодеться и лечь! Давай, я помогу тебе дойти до постели.

Я почувствовала тепло его рук и, всхлипнув, прижалась к отцу. Почему-то мне казалось, что я не видела его очень-очень давно, а когда видела, он был куда моложе, и не было у него ни седины, ни смешных усов. Но всё же он сейчас казался мне самым родным на свете.

– Папа... – прошептала я.

Он вздохнул, приобнимая меня за плечи. Вместе мы поднялись вверх по лестнице и зашли в один из одинаковых дверных проёмов. Наверное, это была моя комната, по крайней мере всё было в моём любимом лавандовом оттенке.

– Не плачь, птичка, – поцеловал меня в лоб папа. – Всё образумится. Прими ванну, оденься потеплее и ложись спать.

Я съезжу к аптекарю за лекарством.

– Оно дорогое? – вспомнила я слова матери. – Может, обойдусь?

Он мягко улыбнулся и потрепал меня по голове.

– Для тебя мне ничего не жаль. Отдыхай, а завтра мы решим все проблемы.

Я послушалась отца, хоть и всё вокруг казалось мне незнакомым. С горем пополам разобралась с водой в ванной, нашла тёплую фланелевую ночнушку и шерстяные носки, забралась в постель и легла, уставившись в потолок. Отец был прав – я смогу решить всё завтра.

Утро началось со стука в дверь.

– Миледи, – зайдя внутрь, знакомая мне служанка-брюнетка присела в быстром книксене. – В ворота въехала карета герцога Кальвиншнихтера.

– Кого? – спросила я сонно. Как служанка выговорила это без запинки было для меня неразрешимой тайной.

Внутри вбежала мать, сияя радостной улыбкой. Она тут же помчалась к шкафу.

– Боги слышали мои молитвы! Нас точно благословила золотая Малика! – воскликнула она, перебирая скромные наряды, а затем бросила на меня строгий взгляд. – Не смей всё испортить! Герцог здесь, и к его отъезду ты снова должна быть его невестой, поняла? Умоляй, плачь, клянись – мне неважно, как ты сделаешь это, но ты убедишь его возобновить помолвку!

– Что?! – услышали мы рёв отца, от которого содрогнулись стёкла. Не ожидала от моего тихого скромного родителя такой силы голоса. – Этот подонок здесь?! Людвиг, немедленно подай мне ружьё!

Глава 2 Родители не знали об этом событии

Вокруг поднялась такая суета, что я едва успевала в принципе понять, что происходит. Мама достала лёгкое голубое платье, не подходящее для утренней прохлады, и заставила меня его надеть, а сама зашнуровала корсет так туго, что я едва могла дышать. Она и думать забыла про рекомендации врача. Служанка напудрила мне лицо и нарумянила щёки. Взглянув в зеркало, я увидела весьма жалкое зрелище и скривилась.

– Не корчи рожи, а то однажды лицо таким и останется!
– прошипела мать. – Кто виноват, что в тебя вылезли чер-
ты рода твоего папаши, и несовершенства кожи приходится
прятать?

Но ведь веснушки у меня были как раз в маму! И мне они всегда очень нравились, в то время как белая пудра делала меня визуально больной и уставшей, а румяна не подходили к тону кожи и выглядели глупо, на мой взгляд. Но я чувствовала себя простывшей и не выспавшейся, потому не стала спорить. Наверное, так надо...

– К чему всё это? Разве герцог не поступил со мной плохо? – спросила я осторожно, но от гнева матери это меня не спасло.

– Герцог утверждает, что это ты поступила с ним плохо! – возмущённо воскликнула она, вертя меня в разные стороны в поисках изъяснов. – Извинись и не задирай нос! Если снова станешь его невестой, общественность забудет о твоём позоре!

А я ведь до сих пор не вспомнила, что именно случилось, но спрашивать было бы странно. Точно не у матери – ей я совсем не доверяла, хоть и от этого на сердце было тяжело.

– Поняла, что делать?

Я покорно кивнула. Мне всё это не нравилось, но пока что я не понимала, как и чему именно противиться, потому послушно пошла следом за мамой в гостиную.

Зря я подумала, что в моей спальне этим утром было неуютно. Едва мы вошли в комнату, как мне захотелось выскочить обратно, такая атмосфера там царила. Отец стоял посреди гостиной с такой прямой спиной, будто проглотил палку, а на кресле, вальяжно закинув ногу на ногу, расположился невероятной красоты мужчина в ярком наряде.

Тёмные волосы небрежной волной падали на плечи, дорогой перстень сиял на руке, но куда ярче сияла его самодовольная ухмылка. Едва он завидел меня, как она стала ещё шире.

– Мой дорогой герцог! – подобострастно воскликнула мама, приседая в глубоком реверансе. Но гость даже не удосужился встать и поприветствовать нас. Он лениво пошевелил пальцами.

– Сегодня ночью птичка донесла мне интересную сплетню, – протянул он бархатным голосом. – Что моя бывшая невеста чуть не утонула. После того, что ты сделала, Лидия, конечно, я мог бы не интересоваться твоей судьбой...

– Герцог Кальвиншнихтер! – повысил голос отец и сжал руки так сильно, что побелели костяшки. – На что вы намекаете? Вы опорочили мою дочь в глазах всего света, и я требую...

– Тш-ш, – с ухмылочкой прошипел герцог, поднимая палец. Он с иронией смотрел на папу, а тот был готов взорваться от гнева.

– Вы...!

– Тш-ш-ш-ш...

– Да как вы...!

– Тш! Тш! Тш! – герцог раздражённо поморщился. – Когда дракон говорит, бедная вырожденная аристократия молчит и тупит глазки. Ну почему мне нужно вам всё объяснять?

Он устало вздохнул, откинул голову на спинку кресла и вновь уставился на меня. Я нахмурилась, а он подмигнул мне, будто у нас был какой-то постыдный секрет.

– Я хочу говорить с Лидией, – сказал он. – И только с ней. Мне не хотелось оставаться с ним наедине.

– Вынуждена вам отказать, герцог. Это будет неприлично, ведь мы теперь чужие друг другу люди, – сказала я тихо и сделала быстрый книксен. Я чувствовала себя весьма неуклюже, будто делала его впервые, и все, кажется, это замети-

ли. Мама побледнела и дёрнула меня за локоть, сладко улыбаясь герцогу.

– Конечно, вы с Лидией можете поговорить здесь или прогуляться в саду! Погода дивная.

Не для того, кто одет в платье, больше напоминающее ночнушку. К счастью, отец пришёл мне на выручку.

– Лидия плохо себя чувствует, но что более важно, говорить с вами не желает! – бросил он гневно.

Герцог раздражённо щёлкнул языком несколько раз, медленно качая головой, будто не мог поверить в то, что ему только что сказал папа. А затем он поднялся, и отец невольно сделал шаг назад. Герцог был высоким, но помимо этого от его стати исходила странная сила, которой хотелось подчиняться.

– Вы давно страдаете плохой памятью, барон? – спросил он без прежней вальяжности, а с пугающей властностью. Отец, резко потеряв с лица все краски, качнул головой. – Вы банкрот. Имущество у вас не отобрали пока только из доброты душевной, ибо король жалует нищих и убогих. Один щелчок пальцев – моих пальцев, барон! – и ваша жена отправится работать посудомойкой, а дочь – в бордель, пока вы будете гнить в долговой яме.

Я слушала его очень внимательно, пытаюсь оценить всю бедственность нашего положения. Почему всё было так плохо? Ведь у нас были слуги и дом! Неужели дракон не врал?

Понурый вид родителей говорил, что не врал. Я сжала ку-

лаки, пытаясь подавить рвущиеся наружу эмоции. Герцог подошёл ко мне, и его липкий взгляд пробежал по моей фигуре, после чего он довольно ухмыльнулся.

– Я мог расторгнуть нашу нелепую помолвку ещё тогда, когда ваша семья превратилась в нищих. Но истинный дракон благороден! И что я получил в благодарность?

– Не смейте даже повторять эту гнусную ложь в моём доме вслух! – глухо прорычал отец, но герцог, глядя мне в глаза, выдохнул в лицо:

– Ваша дочурка заразила меня срамной болезнью!

Мама закрыла лицо руками и затряслась в шумных рыданиях, отец сделал шаг к герцогу, сжимая руки в кулаки, а я стояла как громом поражённая, пытаясь осознать то, что сказал дракон. Заразила, я? Но ведь...

Я никогда не была с мужчиной! Разве это не обязательно для того, чтобы заразиться и заразить подобными вещами?

– Вы лжёте, – воскликнула я срывающимся голосом.

– Лидия! – испуганно охнула мать. – Простите, герцог, мы не желали вас прогнать! Глупая девчонка не знает, что несёт! Аллен, отойди!

Но герцог совсем не выглядел разозлённым. Во ответ на мои слова он запрокинул голову и звучно расхохотался.

– Вот как? Тогда почему ты не стала доказывать свою невиновность, а просто сбежала домой под крылышко к отцу?

Его слова ощущались пощёчиной. Я лихорадочно пыта-

лась вспомнить, могло ли это быть правдой и чем я руководствовалась, когда творила такое, но в голове была полная пустота. Вместо прошлого в сознании возникали обрывочные сцены, похожие на сон. Маленькая кухня, ласковые руки матери и её полный слёз и нежности взгляд – разве мама умела так смотреть? Я не получала от неё ничего, кроме презрения и обвинений. Вместо отца рядом рисовался совсем другой мужчина, с заплывшим жиром лицом и злобой в глазах. Я вздрогнула, выныривая из странного наваждения.

Ничего про герцога! Будто я видела его впервые!

– Выметайтесь из моего дома! – рявкнул отец, наступая на дракона.

Папа уступал ему в росте минимум на голову, но его сейчас это не смущало. Герцог наблюдал за ним с весельем и пренебрежением.

– А не то что? – протянул он лениво. – Я приехал поговорить с Лидией, и поговорю. А если вы будете мешать мне, барон, я передам ваш долг ростовщикам. И что в таком случае вы будете делать, ох, не знаю, не знаю...

Отец замер с растерянным выражением лица. Моё сердце охватила жалость.

– Всё хорошо, папа. Я поговорю с герцогом.

– Ты забыла моё имя, сладкая? – хмыкнул дракон, и я побледнела.

Имя! Мы были помолвлены, а значит, я обязана знать его имя! Я вгляделась в его самодовольную рожу, пытаюсь в ней

найти хотя бы намёк на то, как могут звать мерзавца, но... снова пустота. Он утверждал, что я провела с ним ночь, а память говорила, что я его вовсе не знаю!

– Ты чего глаза выпучила? – хохотнул дракон. – Я шучу. Пойдём в сад.

Он первый уверенно направился в нужную сторону. Определённо, он бывал в нашем доме не раз, и мне пришлось бежать за ним, чтобы найти дорогу в сад. На пороге я кинула прощальный взгляд на обеспокоенного папу, улыбнулась и очертила губами:

– Всё будет хорошо.

Он нахмурился, но смиренно кивнул. Я догнала герцога у выхода на террасу и оказалась снаружи, ёжась от чуть прохладного утреннего воздуха. Мне нельзя было простужаться, но похоже, что было уже поздно.

Остановившись у перил, дракон потянулся, любуясь видом, и я, сделав шаг к краю террасы, чуть не ахнула от увиденного. За небольшим, чуть запущенным садом, лежал неземной вид. Бесконечные холмы, усаженные ровными рядами кустов, небольшие пруды и ручьи, и свежий аромат, который ни с чем нельзя было спутать.

Наш дом стоял на краю чайных плантаций!

Вдалеке виднелись и лес, и горы, и поля, но чай окружал наше поместье плотным кольцом, словно создавая отдельный маленький мирок. У меня аж слёзы навернулись на глаза. Да это же рай! Я просто обязана попробовать, что тут

растёт!

Обладает ли он грушевым послевкусием ганпаудера? А может, я почувствую терпкость большого красного халата? Или мне удастся ощутить банановый оттенок старых лезвий с белых деревьев?

Вот те навесы с красными крышами, что видны вдалеке, быть может, именно там чай оставляют на просушку и ферментацию? В какой бы из моих чашек его заварить?

Как много мыслей возникли в моей голове, которая ещё пару минут назад казалась мне до пугающего пустой! Я, похоже, очень хорошо разбиралась в чае. Осознав это, я испытала небывалое облегчение. Хоть что-то я помнила! Моя семья... занимается чаем? Почему-то от этой мысли сердце заходило от восторга. Как бы осторожнее вывести всё у отца!

– Представляю, как тебе тоскливо выходить на террасу и видеть, чего ты лишилась, – лениво протянул герцог. Я насторожилась. – Лучшие сорта чая на всём континенте, которые могли принести вашей семейке золотые горы... И всё потеряно из-за глупости твоего папаши.

Он рассмеялся так непосредственно и искренне, будто рассказал мне анекдот. Я склонила голову к плечу, напряжённо рассматривая дракона. Хорошо, что он не обращал на меня внимание, потому не заметил моих странных реакций.

Неужели весь этот чай больше не наш?! А я только начала радоваться жизни!

Дракон повернулся ко мне и слащаво улыбнулся. Мне стало противно. Неужели я правда могла... вот с ним? Ох, от одной мысли хотелось помыться как следует. Может, я потому и чуть не утонула? Слишком старательно отмывалась от прикосновений этого... герцога.

– Лидия, Лидия, – досадливо цокнул языком он. – Ты же понимаешь, зачем я здесь.

Ах, если бы. Я снова почувствовала себя потерянной и незащищенной. Без памяти сложно. Иногда мне казалось, что я почти вспомнила что-то, но затем я снова оставалась в этой сосущей пустоте. Хорошо, что герцог не нуждался в моих ответах, а вполне успешно поддерживал диалог сам с собой.

– Ты думала, дурочка, что трагичная история с тобой и прудом сможет меня опорочить? Нет же, сладкая, я выверну её себе на пользу! Посмотрите, благородный герцог поехал, чтобы навестить ту неверную, грязную девицу, нет пределам его доброте и всепрощению! – воскликнул он, манерно вскидывая руки.

– И вы здесь только за этим? – удивилась я. – Чтобы сделать вид, что вы беспокоитесь?

Его ухмылка говорила сама за себя.

– Слухи пошли, что я тебя довёл, – дёрнул плечом он. – Мне не нужно такое. Потому, сладенькая, воздержись от мутных историй, посиди с родителями пару сезонов – глядишь, общественность и забудет про нашу постыдную исто-

рию. И ты сможешь вернуться и поискать себе... мужа поскромнее. Нам не по пути, понимаешь?

— Поэтому вы меня оболгали? — спросила я звенящим голосом.

Герцог закатил глаза.

— Поэтому, не поэтому... Мне надо было как-то объяснить, откуда у меня эта... — он сморщил нос, — гадость. От кого ещё я мог её получить, если не от своей невесты?

— В самом деле, от кого... — повторила я эхом.

— Вот и я не знаю! И мне не нужно, чтобы все пытались это вычислить. Куда проще повесить это на тебя и воспользоваться этим предлогом, чтобы разорвать нашу помолвку — всё равно она мне больше не нужна, ведь ты теперь наследница великого ничего! — хохотнул он.

— Вы ужасный человек, — сказала я, прищурившись.

— Привет, моя сладость, я не человек! Я дракон! Ты с самого начала была меня недостойна, но я готов был играть в помолвку ради ваших плантаций. А без них... ты не нужна никому, — сообщил он, наклонившись к самому моему лицу. — Хотя... знаешь, ты хотела хранить невинность до свадьбы, но свадьба в твоей жизни может и не состояться. Может, подумаешь над рангом наложницы? Я бы тебя не обидел...

Я почувствовала мужские руки на талии. Дракон бесцеремонно лапал меня, дразнил, делая вид, что вот-вот коснётся моих губ своими, и похоже, думал, что я затрепещу и поддамся. Даже глаза прикрыл, уверенный, что я сама поцелую

его!

Меня затрясло от обиды и несправедливости, и в порыве гнева я вдруг размахнулась и впечатала кулак в нос хама. Вот тебе за твои намёки и предложения, за ложь, за мою репутацию! Он издал высокий, почти девичий визг и отшатнулся, хватаясь за ушибленное место.

– Да как ты смеешь, дрянь?! – вспыхнули фиолетовым пламенем его глаза. – Ты думаешь, тебе это сойдёт с рук?!

Он бросился к выходу, сшибая всё на своём пути. Родители выглянули из комнаты, наблюдая за яростно несущимся по коридору драконом и за мной, спокойно семенящей следом. Мне хотелось убедиться, что он уедет. Отец кинулся ко мне, чтобы удостовериться, что я в порядке. У меня дрожали руки, но я смогла нервно улыбнуться.

– Это финиш! – воскликнул дракон, опаяя нас фиолетовым взглядом. – Я продаю ваш долг ростовщикам. Больше никаких отсрочек, барон! Удачи.

– Прошу вас, герцог Кальвиншнихтер, смилуйтесь! – заложила руки мать, но герцог хлопнул входной дверью.

Мы втроем остались стоять в полной тишине и прострации. Взгляд матери потерял несчастное выражение, она злобно прищурилась и прошипела:

– Ты хоть осознаёшь, что натворила, мерзавка?!

Мои нервы не выдерживали больше вести себя, как потерянная покорная овечка. Первый шок от потери памяти потихоньку отпускал – наверное, именно попытка приставаний

отвратительного дракона встряхнула меня, напоминая, что я знаю кое-какие приёмы самообороны и не привыкла давать себя в обиду. Почему я сбежала к родителям, почему позволила вытирать о себя ноги сейчас для меня было загадкой. Наверное, у меня было помутнение, но теперь я прозрела и снова была готова бороться!

– Что ты несёшь, мама! – почти крикнула я, сжимая руки в кулаки. – Он оболгал меня, унизил перед всеми и приехал, чтобы сделать непристойное предложение! Он сказал, что я могу стать его наложницей!

Мама всплеснула руками, глядя на меня с искренним недоверием.

– И ты отказала ему?! Лидия, ты могла поправить наше и своё положение, а вместо этого оскорбила герцога и сломала ему нос!

– Ой, всё равно он бы сам отвалился рано или поздно, – легкомысленно отмахнулась я.

Её реакции лишали всяких сил пытаться достучаться до неё. Словно она в самом деле не понимала, почему я так отреагировала на похабные слова герцога. Я отрешённо покачала головой, не желая продолжать напрасный спор.

Лицо мамы вытянулось неестественным образом, и её речь, наконец, парализовало хоть ненадолго. Пока она обрабатывала сказанное мной, я обратилась к отцу почти умоляюще.

– Что он вообще нёс? Какие долги, что с нашими планта-

циями?

Мне так хотелось, чтобы папа опроверг всё, что наплёл герцог! Но отец побледнел, болезненно прикрывая глаза. К сожалению, тут же оживилась мать, фурией набросившись на нас обоих.

– Бесхребетный трус! – прошипела она. – Давай, скажи же ей, что язык проглотил? Стыдно? А мне в глаза смотреть тебе не стыдно?

– Объясните, пожалуйста! – воскликнула я в состоянии, близком к отчаянию. Мама прищурилась, упирая руки в бока, пока отец, казалось, становился всё меньше с каждой секундой, будто желал исчезнуть.

– Всё не так плохо, дочь, – сказал он глухо. – У нас есть некоторые проблемы, но ты можешь спокойно возвращаться в столицу, пока не пропустила слишком много учёбы. И за университет мы внесём плату вовремя, вот увидишь.

– Слабак! – крикнула мама. – Меня тошнит от вас! Одна в столице развлекается под видом учёбы, не интересуясь, как дела у родителей, а второй просто слизняк без силы воли! И до чего вы довели нашу семью? Нас продадут за долги, Аллен, а ты до последнего боишься сказать ей правду!

– Мама, – прервала её истерику я. – Позволь нам с папой поговорить. Наедине.

Она недобро прищурилась, а затем фыркнула и направилась к двери.

– Конечно, это мама должна говорить правду, пока па-

пенька вытирает дочке слёзки, а потом вы обаставляете меня злодейкой! Давайте, поговорите, обнимитесь – я посмотрю, как это разрешит дела, которые вы наворотили!

Она выскочила в коридор, оглушительно хлопнув дверью. Удаляющийся топот шагов подтвердил, что она не собиралась подслушивать. Я вздохнула, взяла отца за руки и вместе с ним села на диван.

– Пожалуйста, папа. Скажи мне всё, как есть.

– Что я за отец, если свалю проблемы на юную дочь? – возмутился он, и его очки словили отблеск света из окна. Я улыбнулась, крепче сжав его ладони.

– Я уже взрослая. Я сама живу в столице и учусь в университете. И я... тоже натворила дел. Потому давай обсудим это, как взрослые люди, которые могут помочь друг другу решить общие проблемы.

Его взгляд наполнился нежностью. Протянув руку, папа ласково коснулся моей щеки и покачал головой.

– И правда. Я и не заметил, как ты выросла. Ты так редко приезжала последние три года, поглощённая столичной жизнью. Я видел, как ты счастлива, что у тебя такие красивые наряды, новые интересные друзья и жених, о котором вздыхают все девушки столицы. И мне не хотелось рушить твоё счастье, потому в письмах я не упоминал, что дома всё идёт не так гладко...

По его щеке вдруг покатилась одинокая слеза, и моё сердце сжалось от боли за него.

– Я подвёл тебя, Лидия. Я никудышный барон, и процветающие плантации твоего деда под моим управлением вдруг оказались не такими уж успешными. А твоя мама... ты знаешь, с ней иногда тяжело ладить. Я находил утешение в карточных играх. Сначала всё было неплохо, но потом удача меня покинула. Я взял в долг у твоего жениха, потом ещё, и ещё... А в последнюю свою игру...

Он замолчал, поджал губы, будто сам боялся услышать то, что скажет. Я и сама уже догадалась, и меня наполнил ужас.

– Ты проиграл наши земли в карты?

– Прости меня... – прошептал он, отстраняясь. – Ты можешь презирать своего отца, который сломал все наши жизни.

– Папа!

Я всхлипнула, обнимая его. Отец был совершенно убит и потерян, и мне пришлось укачивать его в объятиях, как ребёнка. Почему-то мне казалось совершенно нормальным быть немного мамой для своих родителей, словно так было всегда.

– Как же так вышло? – риторически спросила я. – И что нам теперь делать?

– Быть может, Лерисса права? Тебе стоит попытаться наладить отношения с женихом...

– Никогда! – оборвала его я, серьёзно глядя в светлые, потерянные глаза отца. – Скажи, кому ты проигрался?

Он помрачнел, явно вспоминая тот роковой вечер.

– Соседу, молодому герцогу Септиму, – поведал он. – Я слышал, что он известный игрок и катала, и давно мечтал встретиться с ним за столом. Сначала мне показалось, что я лихо раскусил его тактику, и ставки всё росли, а герцог всё проигрывал... Но в итоге оказалось, что он блефовал. Мы пошли ва-банк, и он ушёл с документами на наше имущество, а я был рад, что не отправился домой в одном белье.

– Это же нечестно! – возмутилась я. – Разве можно отбирать у людей то, что им принадлежит, из-за дурацкой игры!

– Всё совершенно законно, – вздохнул папа. – Я знал, во что лез, но тогда мне казалось, что до такого не дойдёт... Я думал, что выиграю у Септима и смогу отдать долги твоему жениху, а в итоге... Самое обидное, что герцогу Септиму даже не нужны наши плантации! Он выиграл их забавы ради.

– Ясно, – кивнула я, решительно вскакивая. – Собирайся.

– Куда? – растерялся отец.

– К соседу, – заявила я решительно. – Если ему не нужны наши плантации, быть может, нам удастся уговорить его их вернуть!

Глава 3 Молодой аристократ

Соппротивление папы, если оно было, мне удалось сломить очень быстро. Он вообще не умел противиться чужому давлению, так что полчаса спустя коляска несла нас вдоль живописных холмов, сплошь засаженных чайными кустами. Лёгкие наполнял приятный свежий аромат, солнышко пригревало, а вокруг жужжали трудолюбивые пчёлы. Безусловно, близилось лето.

Я не могла усидеть на месте, высовываясь из коляски, чтобы всё рассмотреть, и даже глупая шляпа на завязочках, без которой, как оказалось, я не могла покинуть дом, не портила мне настроение.

Удивительно, но мама не стала отговаривать нас от этой затеи. Напротив, задумчиво хмыкнув, она вдруг довольно улыбнулась и самолично выбрала мне платье в дорогу.

– Герцог Септим ещё богаче Кальвиншнихтера, – заявила она. – Самый завидный холостяк королевства после принца! Кто знает, может, до наших краёв ещё не дошли слухи о твоей болезни, ты ему приглянешься, и мы ещё и в выигрыше останемся после неудачи твоего папаши!

Я терпеливо вздохнула, закатывая глаза. Она ни в какую не верила, что я ничем не больна, но всё равно не теряла надежды втюхать меня хоть кому-нибудь. Я нервно подтянула перчатки повыше –обнажать запястья вне дома тоже оказа-

лось делом неприличным, а мне не стоило добавлять новых сомнений по поводу моей и без того шаткой репутации.

– Вижу, ты соскучилась по дому, – слабо улыбнулся папа, глядя на то, как я высовываюсь то с одной, то с другой стороны. – Почему же приезжала так редко?

– Столица затмила мой разум, – сморщила нос я. – Иначе этого объяснить я не могу. Мне жаль, папа. Мне тебя безумно не хватало.

Я едва подавила всхлип. Эти слова отдавались в груди необъяснимой болью, будто я видела папу не раз в полгода, а расставалась с ним лет на десять, не меньше. Я снова сжала его руку, заметив, как он напряжён.

– Не переживай. Ну не сожрёт же нас этот герцог Септим?

Я произнесла его фамилию с очень довольным видом. В отличие от фамилии моего жениха, которая оставалась для меня неуловимым сочетанием звуков, эту я запомнила сразу, потому могла без страха обращаться к очередному герцогу, встретившемуся на моём пути.

– А вдруг сожрёт? – вдруг обеспокоенно пробормотал себе под нос отец. – Говорят, он из тех драконов, у кого очень холодный, но вспыльчивый характер.

– Он тоже дракон? – вслух удивилась я.

– Не родись он драконом, его семья утратила бы герцогский титул, – сказал отец, приподнимая брови. – Такое положено знать, Лидия.

– Моя память хранит очень странные воспоминания, – по-

жаловалась я со вздохом. — И тонкости титулов к ним не относятся.

Отец добродушно усмехнулся.

— Ты вспомнишь, птичка. Это вкладывалось в твою голову с рождения, ты не можешь просто взять и забыть полностью.

Я кивнула, натянуто улыбнувшись. На самом деле меня терзали смутные сомнения по поводу этого. Казалось, что моя жизнь до пруда растворилась, будто тот день был моим днём рождения. Я стала новым человеком. Пугающие мысли, но они лучше всего описывали то, что я чувствовала. Но таким мне не хотелось делиться даже с отцом. Я боялась напугать его своим состоянием, а врача сейчас мы не потянули бы.

Когда мы выехали за пределы земель, что были раньше нашими, это сразу стало очевидно. Чайные кусты оборвались резко, будто граница не позволяла им разрастись дальше. Соседские земли в корне отличались от наших: всё здесь было как по линейке. Ровные сочные лужайки, мощёные дороги, подрезанные деревья и даже овечки, пасущиеся на холме, выглядели аккуратными и ухоженными.

— Он педант, похоже? — спросила я у отца. Он поджал губы.

— Этого я не знаю. Я слышал, что он затворник, который ненавидит общество и скрывается в своём поместье, но на том вечере он мне показался повесой и прожигателем жизни. Но я в людях разбираюсь плохо, иначе не сосватал бы тебя

за Кальвиншихтера.

Я ободряюще улыбнулась.

— Герцог Кельвинкляйн сам избавил нас от своего общества, папа. Я считаю, мы ещё легко отделались, ведь я могла прожить всю жизнь с этим мерзавцем, ещё и детей ему родить!

— Как ты его назвала...?

— Ого, какой сад! — воскликнула я, неприлично указывая пальцем, чтобы отвлечь отца от своей оговорки.

А затем мы вдвоём и в самом деле позабыли про бывшего жениха, во все глаза уставившись на сияющие белизной стены роскошного дома, принадлежавшего семье Септим. Интересно, сколько народу обитало в этой громадине? Человек пятьдесят?

Всё здесь так и лучилось богатством и изобилием. Я даже присвистнула, за что удостоилась ужаснувшегося взгляда папы.

— Где ты научилась такому, Лидия?

— Как-то само вышло, — смутилась я.

— И чему только учат в столице, — покачал головой отец, первым выходя из коляски и подавая мне руку. Я выбралась, придерживая шляпу, и с прищуром уставилась на спешащего к нам человека в невероятно дорогом костюме. Одежда папы по сравнению с его выглядела нищенской.

— Это герцог? — спросила я шёпотом.

— Думаю, это дворецкий, — ответил папа.

– Господин, госпожа, – поклонился нам мужчина в белых перчатках. – Что привело вас в поместье «Четыре сезона»?

Почему-то мне вдруг резко нестерпимо захотелось пиццы. Я живо представила тянущийся сыр и сглотнула слюну. Надо предложить сделать её на ужин – это достаточно дешёвое блюдо.

– Мы хотим попросить аудиенции у великого герцога, – чуть склонил голову отец.

– У вас запись? – деловито уточнил дворецкий.

Мы растеряно переглянулись. Моя уверенность таяла на глазах.

– Нет, но...

– Сожалею, но великий герцог Феликс Септим принимает только по предварительной записи! – с притворным сочувствием сообщил дворецкий. – Мы можем записать вас на приём.

– Когда же? – нетерпеливо спросила я.

– Через полгода, – невозмутимо ответил дворецкий.

Я ахнула от удивления, а папа понуро вздохнул.

– Благодарим, – сказал он. – Через полгода будет уже поздно. Пойдём, дочь. Это было безнадёжной затеей с самого начала.

– Но подождите, – воспротивилась я. – Чем так занят герцог? Что-то я не вижу очереди из желающих получить аудиенцию!

Дворецкий картинно вздохнул, явно пытаясь намекнуть,

что общаться с нами выше его достоинства, но что поделать – работа есть работа.

– Его Светлость пребывает в меланхолии и не желает принимать посетителей, – пояснил он. – Вас проводить до повозки?

– Сами справимся, – недовольно буркнула я и повернулась к папе. – С ума сойти! Отобрал у нас земли и словил хандру? Что о себе мнят эти герцоги? Думают, раз с драконьим хвостом родились, то им всё можно?

– Мы ничего не сможем сделать, Лидия. Поехали домой.

И что, мы зря сюда ехали? Зачем тогда я терпела бант под подбородком, натирающий шею? Нет уж, этот франт не мог просто отобрать у нас всё, а потом сидеть в депрессии в садочке! Эти вшивые герцоги могли делать со мной всё что угодно, а папу пусть не трогают!

– Он с нами поговорит, – грозно сказала я, придиричиво оглядывая высокий забор, выросший во все стороны, по ощущениям, до горизонта. Взгляд мой выцепил дерево, чьи ветви удачно свисали прямо в сад поместья. – Папа, постой на шухере.

– На чём? – удивился отец. – Лидия, в последнее время ты говоришь странные вещи. Я даже думаю...

– Папа, я быстро! Найду этого хлыща и скажу ему, что раз ему не нужны плантации, пусть отдаст нам. Или, может, он согласится на услугу или кредит. Если мы не попробуем, то у нас вообще не будет шансов, так что попробовать стоит!

Отец вздохнул, признавая поражение. Мы подошли к дереву, и я упростила его посадить меня, а затем резво поползла вверх.

— И с каких это пор ты лазишь по деревьям, да ещё так ловко... — задумчиво пробормотал он, но я забралась слишком высоко, потому не ответила.

Ветка оказалась тоньше и выше, чем мне казалось, к тому же в узком платье с корсетом лазать по деревьям оказалось тем ещё фокусом. А я была уверена, что это просто, будто делала это не раз. Странно всё это, конечно.

Я ухватилась за ветку и осознала страшную вещь — край платья зацепился за сучок и не позволял мне переползти дальше. Я попыталась дёрнуть ногой, и ткань угрожающе затрещала, но не поддалась. Ну что за ерунда?

— Давай же, — прошипела я, дёргая ногой активнее.

Перестаралась. Раздался треск ниток, я потеряла равновесие и почувствовала, что лечу вниз. Я зажмурилась, ожидая удара — с трёхметровой высоты он должен был быть весьма чувствительным. Но вместо этого я ощутила, как меня легко подхватили чьи-то сильные руки. Недоверчиво приоткрыв веко, я столкнулась взглядом с глазами, отдающими всеми оттенками бирюзы и неба.

От неожиданности я замерла, потеряв дар речи. Легко впасть в такое состояние, когда думаешь, что сейчас столкнёшься с газоном, а вместо этого повисаешь в руках незнакомца, да ещё и с такими пронзительными глазами! Я впер-

вые на себе ощутила, что в глазах правда можно утонуть. Только вот смотрел он на меня с безграничной усталостью, будто ловил летающих девиц в саду... примерно всегда.

Словно желая подтвердить эту мысль, незнакомец открыл рот и с вытягивающей душу тоской произнёс:

– Давно надо спилить эту ветку.

Я чувствовала напряжённые стальные мышцы, но не казалось, что ему тяжело меня держать, а, скорее, его напрягала сама необходимость соприкоснуться со мной. Затем он поставил меня на ноги и, больше ничего не говоря, отошёл к беседке, где на столе было накрыто всё для одинокого чаепития. Я озадаченно разглядывала своего спасителя.

Он был совсем молод, с острыми тонкими чертами лица и серебристыми волосами, которые были уложены в безупречной манере, изображающей небрежность, но не оставляющей сомнения: на своём месте тут был каждый волосок. Золотая вышивка на тёмно-синем шёлке безупречно подчёркивала яркие глаза и бледную аристократичную кожу. Его внешность показалась бы мне идеальной, если бы не поджатые губы и полный безучастности взгляд.

– О, так вы и есть герцог Септим, – догадалась я. – Спасибо за спасение!

Но меня не удостоили ответом. Похоже, слуга не соврал, тут налицо была меланхолия. Герцог повернулся в мою сторону и удивлённо приподнял бровь.

– Вы ещё здесь? Ах, – он раздражённо махнул рукой. – Ну

конечно, не уйдёте, пока не получите то, за чем пришли?

Я озадаченно заморгала. Откуда он знал, зачем я пришла? Может, драконы обладают даром пророчества? Чтоб я помнила.

– Ну да, – на всякий случай согласилась я. – Не уйду.

Он вздохнул и вдруг стремительно двинулся на меня. Я даже сделала шаг назад, проникнувшись мрачной решимостью в его взгляде.

– Давайте, – сказал он, протянув мне руку.

– Э?

– Ну что вы там принесли? – нетерпеливо закатил глаза он. – Календарик, плакат, дневник? Предупреждаю сразу: на груди я больше не расписываюсь! А то рассказывают потом всякое о том, в каких обстоятельствах получили эту подпись...

Он сморщил идеальный прямой нос и устремил взгляд поверх моей макушки, куда-то вдаль. Я отчаянно пыталась понять, чего он от меня добивается.

– Вы думаете, я хочу... автограф? – дошло до меня.

– Нет?

– Нет.

– Хм, – на дне бирюзовых глаз промелькнула тень удивления, которая тут же потухла, когда герцог уныло добавил: – Все вы так говорите. Ну рассказывайте, какую причину влезть ко мне в сад придумали.

Он вернулся в беседку, сел, закинул ногу на ногу и уста-

вился на меня, нетерпеливо постукивая пальцами по подлокотнику плетёного кресла. Похоже, прогонять нахальную вторженку он не спешил, это воодушевляло. Я набрала в грудь побольше воздуха и затараторила, пока он не передумал:

– Видите ли, не столь давно вы выиграли у моего отца в карты наши чайные плантации. Они принадлежат нашей семье много поколений, и мне хотелось бы узнать, не могли бы вы простить ему тот досадный проигрыш и вернуть плантации нам? Мы готовы выплатить вам отступные... со временем. Дело в том, что наша семья переживает не лучшие времена, и если бы герцог милостиво согласился пойти на уступку... – я сделала реверанс, надеясь, что его легко пронять лестью. На бывшем женихе (да как там его?!) это точно бы сработало. – Мы были бы благодарны вам до конца наших дней.

Я замолкла и уставилась на герцога, ожидая его реакции. Он смотрел на меня в ответ, и на лице его не отражалось ни одной эмоции. После минуты молчания у меня начали сдавать нервы, но герцог вдруг приоткрыл губы и молвил:

– Оригинально.

Я почувствовала, будто меня ударили бревном по голове. Захотелось перевернуть стол, чтобы облить Септима кипятком – может, это бы его взбодрило? Нет, Лидия, терпение! Я договорюсь либо с ним, либо с герцогом Гогеншлюхером, так что это унылое создание – не худший вариант. Вспомнив,

как мама льстила Крюкенбахеру, я певуче заговорила:

– Мой дорогой герцог, простите, я не совсем вас понимаю.

– Такой истории для того, чтобы приблизиться ко мне, ещё никто не придумывал. Большинство просто с порога кричит о своей чистой любви, хотя мы даже не разговаривали ни разу. Те, кто поумнее, придумывают дело, дескать, я обронил запонку на балу, и они решили лично её доставить. Самые продуманные записываются на официальную аудиенцию и некоторое время даже с уверенным видом плетут что-то о том, что их батюшка послал их наладить торговые отношения с моей провинцией. Но вы сочинили целую легенду. Пожалуй, я поражён. Что вам нужно на самом деле? Предупреждаю: никаких поцелуев, никаких прикосновений. На предстоящем балу могу обещать вам один танец. За свою фантазию вы это заслужили.

Я слушала его, мысленно подбирая слова для ответа, желательно, цензурные, но с каждым новым словом его пропитанной скукой речи меня покидала всякая надежда на то, что мы договоримся. Герцог вообще меня не слышал!

– Зачем мне танец?

– Не знаю, вам виднее. Чтобы попытаться за его время вскружить мне голову и подобраться к деньгам моей семьи, наверное. Чего ещё хотят от меня такие, как вы?

– Я хочу вернуть свою плантацию, – смиренно повторила я. – Иначе моя семья пойдёт по миру.

– А я тут при чём?

– Вы выиграли её в карты... у моего отца... – процедила я сквозь зубы.

– Да? Прискорбно. Передайте ему совет: пусть больше не играет.

Я должна была быть леди, милой, воспитанной и скромной. Но что-то внутри меня возмущалось, противилось и требовало выхода. Я подняла голову и увидела, как герцог, совсем забыв обо мне, сосредоточил внимание на чашке чая, и терпение моё лопнуло. Я подошла к нему, вырвала чашку из его рук и, оперевшись о стол, угрожающе нависла над драконом. Он лишь лениво приподнял одну бровь.

– Герцог Септим, – отчеканила я. – Мне терять нечего! Я либо уйду отсюда с документами на земли, либо за нами скоро явятся, чтобы стясти долг, и тогда вся моя семья закончит, вероятно, в рабстве. Я прошу вас сосредоточиться на моих словах: вам нужны эти плантации? Существуют ли выполнимые условия, при которых вы можете вернуть их моему отцу?

Туманный взгляд глаз нереального оттенка изучал моё лицо со внезапной жадностью, будто увидел в нём что-то невероятное. Когда я глубоко вдохнула, успокаиваясь, случилось что-то за гранью моей фантазии: поджатых губ герцога вдруг коснулась улыбка.

Я опешила. Я только что наорала на дракона, а он, вот, не только не разгневался, но вдруг заинтересовался нашим

диалогом! Эти герцоги все пристукнутые, точно, но каждый в своём неповторимом стиле.

– Как вас зовут? – вдруг спросил он, и я на миг даже потеряла дар речи. Это прозвучало как издевательство, но взгляд его был серьёзен.

– Лидия, – с лёгким удивлением ответила я.

– Рад знакомству. Я Феликс. Вы хотите вернуть земли, что профукал ваш батюшка? Давайте сыграем на них.

– Что? – переспросила я с недоверием. – Вы вернёте плантации, если я выиграю?

Он невозмутимо кивнул, вглядываясь в моё лицо, будто пытался уловить даже мельчайший оттенок реакции. Я мысленно взвешивала за и против. Терять мне было нечего, а вот шанс выиграть обратно земли очень согревал душу. Только вот...

– Но вы же шулер, – вспомнила я слова отца.

Взгляд Феликса полыхнул раздражением. Длинные пальцы недовольно постучали по подлокотнику.

– Прежде чем кидаться такими обвинениями, леди, нужно предоставить доказательства. Будь я шулером, мне был бы заказан путь в общество, но меня привечают за карточными столами. Однако такие слухи ходят, не спорю. Людям нужно как-то оправдать собственную ущербность и неумение играть.

Наверное, всё дело в аристократических чертах лица, но Феликс выглядел таким благородным и оскорблённым, что у

меня и сомнений не осталось, что его обвиняли зря. В конце концов, мне ли было сомневаться в чужой репутации?

– А какую ставку вы хотите от меня? – спросила я с подозрением. Знала я уже этих герцогов-драконов и их желания!

Кажется, мысли достаточно ясно отразились на моём лице. Уголки губ Феликса насмешливо приподнялись, лишь на миг, словно проявлять эмоции для него было непосильным трудом.

– Не льстите себе, – небрежно бросил он. – Девицы на выданье штурмуют стены моего поместья каждый день. Мне нет необходимости требовать от вас таких ставок.

– Тогда что вам надо?

– Ничего. Считайте это проверкой вашей удачи. Если судьбе угодно – ваши чайные плантации вернутся к вам, но если нет – тут я бессилен.

Бессилен? Он был единственным, кто мог вернуть нам земли без каких-либо усилий, но я не в праве была требовать, чтобы он отдал их просто так. В таких обстоятельствах его предложение казалось спасительной соломинкой.

– Что ж, давайте сыграем, – растеряно кивнула я.

Феликс щёлкнул пальцами, и словно из ниоткуда появились слуги. Он шепнул им несколько слов, и они в мгновение ока сдвинули посуду, очищая на столе пространство для игры. На столе появилась нераспечатанная колода карт с нарядной рубашкой. Мне принесли кресло, и я опустилась в него, выжидающе глядя на герцога.

– Колода новая, не меченная, извольте проверить, чтобы не заявлять потом, что я шулерствовал.

– Я вам верю, – сказала я неуверенно.

Просто я понятия не имела, как выглядят меченные карты, так что не видела смысла в пристальном разглядывании карт. Феликс сам распечатал колоду и принялся тасовать её с такой скоростью, что я едва улавливала движения его длинных пальцев. Только перстни блестели в свете солнца.

– Лерой, подай леди чаю, – сказал Феликс всё с той же скукой в голосе и ловко развернул колоду веером, затем разделил на две и сложил их гармошкой, снова соединив. Я даже не обратила внимание на чашку, появившуюся передо мной, зачарованная фокусами герцога. Только почувствовала знакомый запах и отметила, что заварили неправильно. Но мои мысли сейчас были далеко от чая.

– Потрясающе, – сказала я искренне, любуясь трюками, которые он проворачивал с щеголеватой лёгкостью. Он делал их без труда, скорее, по привычке. Феликс неопределённо дёрнул плечом.

– Как даме, я предоставляю вам выбор игры. Что предпочитаете?

Я попыталась сделать умное лицо. К счастью, Феликс сам стал набрасывать мне варианты.

– Преферанс или штосс? Предлагать даме покер не смею, это пошлость.

Мой взгляд продолжал бестолково следить за его руками.

Преферанс или штосс... Я замялась, не зная, что ответить. Феликс перестал тасовать и высказал догадку:

– Вы не играете в эти игры?

– Нет, – честно призналась я.

– Досадно. А во что играете?

– В дурака. И в пьяницу... – честно призналась я и густо покраснела.

Брови герцога дрогнули в искреннем глубоком удивлении. Изящные пальцы нетерпеливо постучали по столу.

– Однако... Признаюсь, о таких играх я слышу впервые. Есть ещё варианты?

– Когда-то мама учила меня играть в очко... – протянула я с сомнением. Образ мамы почему-то с этим не вязался, но я точно помнила вечера, проведённые за этой игрой.

– Я не хочу в очко, – отрешённо качнул головой Феликс. – У вас есть игры с менее угрожающими названиями?

– Ну... Пожалуй, больше ни во что я не умею. Но в покер могу! – торопливо заверила я. – Совсем не считаю это пошлым.

– Как вам угодно. Дро, лоуболл, падуги?

– Снип-снап-снурре, – испуганно ответила я, вжимая голову в плечи. Кажется, герцог решил наслать на меня проклятье. Его бровь изогнулась под каким-то немислимым углом, очевидно, доступным только драконам.

– Что вы несёте?

– Вы первый начали!

– Храни меня золотая Малика! – рыкнул герцог, швыряя карты на стол. – Я сдаюсь. Научите меня играть в придурка.

– Да у вас самого неплохо получается, – пробормотала я себе под нос, неуверенно забирая со стола карты. Феликс склонил голову к плечу, давя на меня пронзительным синим взглядом.

– У драконов великолепный слух, Лидия.

– Очень жаль... – ещё тише пробормотала я, неумело та-суя колоду.

Карты норовили выпасть из рук. Давненько я не играла. Феликс наблюдал за моим мастерством крупье, нервно раздувая ноздри – наверняка считал это кощунством. Я объяснила ему правила. Дракон слушал внимательно, иногда кивал, затем коротко бросил:

– Начнём.

– Сначала пробную партию? – уточнила я. – Чтобы вы разобрались.

Он покачал головой.

– Просто начнём.

На миг мне подумалось, что он решил поддаться, что всё это просто предлог, чтобы вот так отдать мне плантации. Я даже прониклась симпатией к хладнокровному ящеру, ровно до момента, когда мне поочерёдно вручили козырного вальета, даму, короля и туза, завершив партию двумя шестёрками.

– На погоны... – уныло пробормотала я. – Похоже, новичкам везёт.

– Не в этом дело, – пожал плечами Феликс. – Богиня Малика одарила меня исключительной удачей. Мало кто может честно выиграть у меня в азартные игры. Так что вы были обречены.

– Что? – переспросила я, чувствуя, как от обиды спирает дыхание. – Вы же говорили, что не шулер!

– Но ведь не шулер же.

– Так к чему всё это было? Вы могли просто сказать, что плантации не отдадите, и выгнать меня! Вам захотелось поглумиться?

Он снова равнодушно пожал плечами и взял со стола чашку, покрутил её, поднимая заварку со дна, и поморщился.

– Не понимаю, почему все так носятся с этим чаем. Честно говоря, какая-то бурда.

Меня трясло от гнева и растерянности. Что теперь делать? Герцог просто издевался надо мной!

– Да вы заваривать его не умеете, – бросила я, стараюсь сдержать слёзы. – Как владельцу плантаций, вам следует знать такие вещи!

Вскочив, я схватила чайник. Феликс напрягся, видимо, решив, что я обдам его кипятком, но я выплеснула содержимое на газон и воскликнула:

– В первый раз листья нужно залить и сразу же слить, а пить только вторую заварку! И этот чай нельзя заливать кипятком. Он... – я всхлипнула и бездумно вытерла слёзы ру-

кавом. – Заваривается при семидесяти пяти градусах... Он же... зелёный...

Осознание принесло с собой отчаяние, и они захватили меня, увлакивая на дно моря безнадеги. Унизительно было стоять перед этим самодовольно-унылым драконом, обливаясь слезами, но я чувствовала себя загнанной в тупик. Феликс наблюдал за мной с таким выражением, будто чужие слёзы были для него чем-то отвратительным. Он встал, схватил со стола салфетку и подал её мне.

– Утрите слёзы, леди, – сказал он. – Сдаётся мне, наш разговор не закончен.

Глава 4 Дар с подвохом

Я машинально приняла из его рук протянутую салфетку и промокнула слёзы. Надо было послушаться отца, зря мы приехали сюда. Ничего, кроме унижения, я не получила.

– Чего ещё вы хотите? Сыграть в бутылочку? Или сразу в ящик? – буркнула я, чувствуя, как опухают от слёз глаза.

Наверняка я представляла собой жалкое зрелище. Даже хорошо, что постное лицо Феликса не показывало пренебрежения или насмешки – ничего, кроме вечной скуки.

– Я хочу, чтобы вы показали, как заваривать чай, – сказал герцог приказным тоном, а затем нахмурился, будто одёрнул себя, и добавил: – Пожалуйста.

Кажется, ему сложно было просить, или он просто не привык к такому. Я шмыгнула носом и кивнула.

– Хорошо. Хотя бы не будете больше поганить репутацию наших плантаций своей бурдой, – вымученно улыбнулась я.

Герцог молча развернулся и направился в сторону дома. Я не сразу поняла, что подразумевалось, что я должна следовать за ним, потому пришлось догонять его, нелепо скача вприпрыжку. Он не оборачивался и не замедлялся. Мы вошли в дом, роскошный настолько, что слепило глаза, и взгляд мой сразу упёрся в картину, висящую над лестницей в холле. Холст был в высоту не меньше трёх метров и изображал Феликса на белом коне, очевидно, в реальную величину.

Я так и замерла, глядя, как реалистично отрисованы развевающиеся на ветру волосы герцога и грива коня – художник на славу постарался.

– От скромности вы не умрёте, – только и сорвалось с моих губ.

– Это подарок от поклонницы, – нехотя пояснил он. – Почтенной вдовы Меркель. Она одна из немногих, кто не слишком настойчив и восхищаться мною предпочитает издалека, наверное, потому что я гожусь ей во внуки. Потому я решил уважить и найти место этой картине. К тому же, мне показалось, что здесь я выгляжу счастливым.

В самом деле, на лице герцога был нарисован безумный яростный оскал, а в руке был сжат меч – похоже, Феликс в фантазиях вдовы Меркель мчал на битву. В реальности герцог выглядел так, будто сейчас ляжет на диван и будет вечность глядеть в одну точку.

Мы отправились напрямиком на кухню. Слуги, кланяясь, как заведённые, спешно ретировались. Я проводила их удивлённым взглядом.

– Почему они так разбежались?

– Они знают, что я не люблю мельтешение, – монотонно ответил герцог.

– Так кому же показывать, как заваривать чай?

– Мне. Прошу вас.

Изящная рука, украшенная дорогими перстнями, указала мне на стоящий в центре кухни рабочий стол. Я огляделась.

Стоящие вдоль стен шкафчики были набиты банками с травами и чайной посудой. Кажется, эта кухня была отведена специально под приготовление чая.

– Какой мне заварить? – спросила я. Феликс неопределённо повёл плечом.

– Какой захотите. Я не разбираюсь в нём всё равно.

– Зачем же вам тогда целая чайная? – не удержала любопытства я.

Сначала мне показалось, что Феликс не ответит, но он неохотно бросил:

– Моя мать часто бывала в гостях у вашей бабушки, они вместе чаёвничали и делились заваркой. Эта кухня принадлежит ей.

Я сняла шляпу, убрала задорные завитки, что мама набросала вокруг лица, с интересом слушая герцога. Подумав, избавилась и от перчаток. Брови Феликса чуть дрогнули в удивлении, но мою вольность он оставил без комментария.

Взгляд мой в это время изучал представленную в стеклянных шкафах посуду. Все составляющие как для простого чаепития, так и для настоящей церемонии. Затем я перешла к банкам и висящим на верёвке травам. Некоторые уже стоило выбросить, другие были ещё вполне ничего.

– Чай с ваших плантаций лежит в нижних банках, – подсказал Феликс. – Он подписан.

Я кивнула и принялась открывать банки, вдыхая терпкий чайный аромат. Меня охватило странное чувство, что-то на-

подобие галлюцинаций. Запахи чаёв и трав смешивались, порождая нечто особенное, волшебное. Я отметала сочетание за сочетанием, выставляя на стол те банки, которые мне казались подходящими.

– Расскажите что-нибудь ещё, – попросила я герцога. – Не люблю тишину, когда готовлю.

– А что рассказывать?

– Ну хоть что-нибудь. О себе. О вашем доме. О том, что у вас на душе.

Почему-то это казалось правильным: я смешиваю напиток, а кто-то сидит рядом и выкладывает свои мысли. Не уверена, что я когда-либо правда была в такой ситуации, но сейчас мне хотелось, чтобы Феликс поделился хоть чем-то. Как будто ему это было необходимо в первую очередь, но открывничать он не спешил.

– Разве это хоть кому-то интересно? – фыркнул он. – Зачем вам это знать?

– Чтобы познакомиться с вами получше.

– Зачем?

Ты ему слово, а он тебе "зачем". Я вздохнула и покачала головой.

– Это ведь нормально, узнавать что-то про новых знакомых. Вы как будто впервые с живым человеком разговариваете.

– Вы просто задаёте странные вопросы. Это подозрительно.

– А что спрашивают у вас обычно?

– Сколько дохода в год имею и почему не женат. Женщины постарше иногда вопрошают, в кого у меня такие "чудесные глазки", – издевательским тоном добавил он и содрогнулся.

Как ни странно, его нелепые реакции на мои простые вопросы говорили о герцоге больше, чем мог сказать самый пространный рассказ. Мне вдруг стало его жалко, и я приняла последнюю попытку наладить диалог.

– Значит, обычно вы не пьёте чай?

– Не любитель бестолковых чаепитий.

– Тогда почему сегодня вдруг захотели?

– Сегодня особый день, – сказал он хмуро. – День рождения моей матери. Потому я решил выпить её любимый чай.

– Ух ты! Сколько ей исполняется?

– Нисколько. Она умерла.

Сухой и лаконичный ответ. Я прикусила язык, отворачиваясь к полкам. Как неловко! Он поэтому такой смурной, или это образ по жизни? Воцарилась неловкая пауза, прерываемая только шумом, который создавала я: стуком посуды, шорохом юбки, когда я ходила, и пересыпанием трав.

Я ощутила себя художником, рисующим картинку с помощью вкусов и ароматов, а Феликс служил моим натурщиком, сам того не зная. Кажется, он наблюдал за моими руками с той же зачарованностью, с которой я следила за картами, летающими в его руках.

Тут просился не обычный чай, а кипрей, чтобы снять напряжение, и немного хмеля, чтобы вскрыть нарыв на душе! Сочетание странное на вкус, потому стоило добавить трав, что изменят вкусовой оттенок, а заодно поднимут настроение в унылый день: душица, брусника и немного золотарника!

Наконец, кухню наполнил лёгкий сладкий аромат, и я, выбрав чашку с полки, наполнила её напитком.

– Чай готов, Ваша Светлость, – торжественно объявила я.

Он подошёл, взял со стола пышущую паром чашку и принюхался. Затем сделал осторожный глоток, и зрачки его дрогнули, принимая вертикально вытянутую форму. Он отпил снова, задерживая чай во рту, как сомелье, и недоверчиво посмотрел на меня.

– Что-то не так? – спросила я напряжённо.

– Нет, всё... всё так.

Что-то случилось с его голосом, он будто надломился, впуская в себя краски жизни. В нём слышалось волнение, грусть и тоска. Продолжая коситься на меня, Феликс в несколько глотков прикончил чай и бесшумно водрузил чашку на столешницу.

Он стоял, чуть покачиваясь, будто прислушивался к своим чувствам. Меня даже обеспокоило его состояние, но затем он встряхнулся и обратил на меня совершенно новый взгляд. словно его глаза протёрли тряпочкой, вернув им блеск.

– Дракон никогда не расстанется с ценностью, – сообщил он. – Просто так вернуть вам плантации – это против моей природы. Да и смысл отдавать их вашему отцу? Проиграв их один раз, он проиграет и второй. Какой из него землевладелец?

Его слова ранили, но рациональное зерно в них было. Я уныло опустила руки.

– Но ведь и я никогда не занимался чаями, – продолжил герцог. – Для меня это тёмный лес, в то время как ваша семья, очевидно, хранит секреты создания этого напитка. То, что вы сделали... просто потрясаяще, – признал он и округлил глаза, словно сам удивился своим словам. – Мне трудно угодить. Но ваш чай...

Он вдруг резко подошёл ко мне, с прищуром разглядывая моё лицо. Вздвогнув, я попятилась, но дракон преследовал меня, пока я не упёрлась в посудный шкаф. Кажется, он пытался не то просверлить во мне дырку взглядом, не то понюхать. Исключительной жути маньяк.

– Я владею айкидо! – пискнула я.

– Это что? – спросил он заинтересованно.

Хороший вопрос. Мне и самой было интересно.

– Лидия... – протянул он, и глаза его угрожающе блеснули. – Благословлённая Маликой златоглазая продемонстрировала мне свой дар. Я понял ваш язык намёков: златоглазая показывает свою сущность дракону только в одном случае...

– В каком? – полуобморочным голосом спросила я, раз-

мышляя, будет ли уместно вмазать коленом ему в пах.

— Когда хочет, чтобы этот дракон сделал её своей...

— Чегоооооо? — воскликнула я, пытаясь его отпихнуть. — Герцог, вы того... совсем?

Руки мои ткнулись в его грудь, словно в каменную стену. Он не выглядел особо мускулистым, но на ощупь можно было решить, что он сделан вовсе не из плоти и крови. В общем, отодвинуть от себя Феликса мне не удалось, а бить его я пока не решалась. Всё же я была в его доме, полном слуг и охраны, и ещё питала надежду уйти отсюда целой и невредимой.

Голос герцога превратился в быстрый горячий шёпот:

— Я видел отблеск ваших глаз дважды за сегодня: когда вы гневались и когда делали чай. И если в первый раз это явно было простым выходом эмоций, во второй раз стало очевидно: такое не демонстрируют мужчине-дракону просто так! Вы златоглазая, избранная богиней, бесценное сокровище!

— Я не сокровище! Я личность! — воспротивилась я, но Феликс словно оглох. Он даже моргать перестал, будто боялся, что я сбегу, пока он сомкнёт веки.

— Как вы умудрились хранить свой дар столько лет, чтобы ни один дракон не пожелал вами завладеть?

Я призадумалась.

— Ну, наверное, один всё же желал. Я была невестой герцога Кранкенвагена.

— Кальвиншнихтера? — приподнял брови Феликс.

– А я как сказала?

Он нахмурился лишь на мгновение, но затем краски снова заиграли на аристократичном лице.

– Неважно. Ваши глаза ещё не стали полностью золотыми, значит, ваш цветок не сорван. Не знаю, как этот идиот решился отпустить златоглазую, но раз вы здесь, я готов обсудить нашу женитьбу.

– Нашу что?!

– Свадьбу, – уверенно повторил он. – Вы добились своего. Признаться, в отличие от остальных охотниц на мои деньги, у вас правда есть туз в рукаве. Считаю, это будет справедливо: ваш великий дар взамен на имя, титул, земли и богатства моего рода.

Я покосилась на пустую чашку. Не знаю, в приступе чего я смешивала этот чай, но похоже, намешала что-то не то. Вместо унылой жижи передо мной стоял мужчина с горящими глазами, который рассматривал меня с такой жадностью, будто собирался сожрать немедленно. Приходилось признать: герцог сошёл с ума, и кажется, виноват в этом был чай. Не зря мне показалось, что листья иван-чая были малость подозрительные! Ну точно просрочка.

– Помогите... – обречённо вскрикнула я, но получился какой-то жалкий комариный писк.

Однако это сработало. Феликс, озадаченно хмыкнув, отошёл от меня на два шага назад.

– Я не причиню вам зла, – заверил он, поднимая ладони.

– Прошу, не бойтесь.

– Я и не боюсь, – сказала я, плотно прижавшись к шкафу и таким образом бочком пробираясь к выходу. – Мне просто пора.

– Куда же вы? – удивился он. – Почему вы уходите сейчас, когда добились того, ради чего пришли?

– Я пришла вернуть свои плантации, и с этим у нас пока полный пролёт, – пробормотала я, хватаясь за дверную ручку. – Наверное, я заеду к вам ещё, попозже, когда у вас будет другое настроение, а сейчас мне, увы, пора...

Опустив ручку, я в отчаянии потянула дверь на себя, но та не поддалась. За спиной слышались приближающиеся шаги герцога, и в ужасе принялась дёргать дверь со всей силой. Я была готова вырвать её из дверного проёма, но она ни в какую не открывалась! Было поздно. Я почувствовала макушкой дыхание дракона и закрыла глаза, готовясь принять неизбежную судьбу.

Горячая рука легла поверх моей, опуская дверную ручку, а затем герцог легонько толкнул дверь, открывая мне проход.

– Она открывается в другую сторону, – сообщил он весьма озадаченным голосом.

– Спасибо и до свидания! – выпалила я и резвым сайгаком понеслась по коридорам, не разбирая дороги, надеясь, что они выведут меня наружу.

Так и случилось. Развив воистину драконическую скорость, я будто бы пролетела сад на крыльях, вырвалась заво-

рота и с разбегу залетела в коляску, обдав отца ветерком.

– Лидия? Что случилось? – изумился он. – Почему ты в таком неприличном виде? Где твоя шляпа?!

– Поехали домой! – воскликнула я, обмахивая себя руками, к слову, без перчаток. Вот такая вот я безбожная шлёрдра. Неудивительно, что на меня драконы кидаются: и без головного убора, и запястья на всеобщее обозрение выставила – сплошной соблазн.

Отец сел рядом, и мы помчались по уже знакомой дороге.

– Гони! – умоляюще обратилась я к кучеру, озираясь назад.

Дракон вроде как меня не преследовал, но мне по-прежнему было не по себе. И только когда белые стены «Четырёх сезонов» скрылись из виду, я смогла успокоиться и откинулась на спинку сидения, переводя дух.

– Тебя поймала охрана? – предположил отец.

– Нет, я смогла поговорить с герцогом.

– Но разговор не задался?

– Мама бы решила, что очень даже задался, – пробормотала я, устало потирая лоб. – Мне предложили замужество. А вот плантации вернуть не предложили.

– Что? – изумлённо вскинул отец. – Герцог, известный своей незаинтересованностью в людях, после пяти минут знакомства с тобой предложил тебе выйти за него? Чем ты его так поразила?

– Я проиграла ему в карты и сделала чай! Оказывается,

для драконов это исключительно привлекательное поведение, – сообщила я. – А ещё он называл меня златоглазой. Как во сне. Вот чушь-то...

Я приоткрыла глаза и обнаружила, что отец сидит напротив с такими круглыми глазами, что казалось, они вот-вот вылезут из орбит.

– Не может быть... – прошептал он зачарованно.

– Что случилось, папа?

– Дракон не стал бы заявлять такое просто так! Но как Эрнест мог не заметить, что ты избрана богиней? – отец суетливо пригладил волосы.

– Эрнест? – воскликнула я панически. – Это ещё кто? Ещё один маньяк, что жаждет зажать меня в углу?!

– Твой бывший жених. Ты на радостях и это забыла? – добродушно рассмеялся папа, а затем нахмурился. – Ерунда какая-то. Но если Септим прав, милая, наши дела лучше, чем можно было представить! У нашего порога отбоя не будет от женихов, а про сплетни о тебе тут же забудут!

– Почему вдруг, папа?

Он был не на шутку взволнован, так что это передалось и мне. Из-за этого он не обратил даже, что я снова задаю вопросы о том, что, казалось бы, должен знать каждый.

– Титул герцога передаётся только драконьим потомкам, избранным Малики, – пояснил он. – Чтобы родить дракона-наследника, носитель драконьей крови должен найти зла-

тоглазую. Едва Эрнест узнает, что в тебе скрывался дар...

— Он, как и Феликс, захочет захватить меня и сделать своим личным инкубатором, — довершила я, в ужасе впиваясь пальцами в кожу сидения. — Папа, я заклинаю тебя, ни под каким предлогом не рассказывай это матери!

Отец посмотрел на меня с беспокойством и нежностью, протянул руку, погладив ладонь, чтобы успокоить.

— Лидия, твоя мама не желает тебе зла...

— Просто желает продать повыгоднее! — прервала его я. — Папа, если мама узнает, что у меня есть какой-то ценный для драконов дар, она устроит аукцион!

Он замолчал с виноватым видом, будто не хотел признавать, что я права, но и врать мне о том, что мама не поступит так, тоже не торопился. В итоге до дома мы доехали в мрачной тишине. Неудивительно, что она была именно таковой: разговор с герцогом не задался, а значит, у нас всё ещё были долги, но не было источника дохода.

— В конце концов, при мне плантации всё равно стали убыточными, — вздохнул отец, когда возница остановил коляску у наших ворот. — Годами они держались лишь на работах твоего дедушки, но так не могло продолжаться вечно. Я знаю, Эрнест видел в них потенциал, потому так жаждал заполучить, но у меня нет жилки дельца, и я не знаю, как удерживать на плаву, а тем более развивать торговое предприятие.

Это признание далось ему тяжело, и не думаю, что он рас-

крыл бы душу кому-то, кроме меня. Он первый спустился вниз и сам подал мне руку, потому что наши слуги не спешили выполнять свою работу – им задерживали зарплату в этом месяце.

Мы вошли в дом и столкнулись с заинтересованным взглядом матери, который тут же потух, едва она оценила наш сломленный вид. На удивление, она даже не стала добивать нас, а лишь лаконично бросила:

– Ужин готов.

Это был отвратительный день. Я поела без аппетита, вернулась в свою комнату и поспешила оказаться в постели. Сон не шёл. Я лежала и смотрела в потолок, терзаемая тяжёлыми мыслями.

В моей власти было спасти семью. Я могла по крайней мере броситься в ноги Корбендалласу, согласиться стать его наложницей, при условии, что он подлечится, и тогда, быть может, он бы смиростивился и не продавал бы папин долг ростовщикам. Моя жизнь была бы закончена, но вероятно я сгущала краски, и Чикенбургер не так плох?

Вторым вариантом был Феликс. Кажется, когда он убедился, что я златоглазая, в нём разыгрались какие-то древние хищнические инстинкты. Или это я правда что-то намутила с чаем? В любом случае, тоскующего флегматика словно подменили. Я не оговорила с ним условия, а он твердил только о свадьбе, но могло быть, что мы просто не поняли друг друга? Может, ему нужен был фиктивный брак? А может, за

свадьбу он вернёт нам плантации?

Пожалуй, стоило снова пообщаться с герцогом Семптимом, а Паратрупера оставить на самый крайний случай.

Поразмыслив так, я успокоилась и прикрыла глаза, надеюсь заснуть. И уже проваливаясь в негу сна, я вдруг вздумала помолиться.

– Золотая Малика, – прошептала я. – Говорят, ты милостивая и добрая богиня. Во сне ты показалась мне такой же. Может, ты заберёшь свой бесценный дар? Мне не хочется становиться добычей в глазах драконов. Пожалуйста...

Я почувствовала лёгкое прикосновение ко лбу, будто мимолётный поцелуй, и нежный материнский голос шепнул:

– Что за нонсенс? Все в восторге от моих даров! Ты поймёшь со временем...

Было ли это сном, связью с богиней или я просто сумасшедшая? Я уже не задумывалась об этом, погружаясь в неожиданно спокойный крепкий сон.

Но покой мне только снился! Новое утро и новый стук в дверь. Не то я была соней, не то все начинали активничать слишком рано.

– Миледи, – внутрь зашла всё та же брюнетка и присела в быстром книксене.

– У меня дежавю, – задумчиво пробормотала я, глядя в поток. – Как день сурка.

– Почему сурка? – удивилась девушка.

– Не знаю, это звучит правильно. Надеюсь, ты не пришла

сообщить, что в ворота въехала карета герцога Оппенгеймера?

– Нет, – успокоила меня служанка и тут же добавила: – Но нас почтил визитом великий герцог Септим.

Я резко села. Да что ж такое! Ни дня без герцогов.

Внутрь вбежала мать, сияя радостной улыбкой. Она тут же помчалась к шкафу. Ощущение дежавю стало таким сильным, что я нервно хихикнула, глядя на мельтешащую матушку. К счастью, она была слишком увлечена моими платьями, потому не обратила внимания на мою лёгкую истерику.

– Какая же ты умница, Лидия! – воскликнула она, швыряя на кровать сиреневое платье с вышивкой. – Один разговор с герцогом – и вот он у нашего порога, да ещё и с букетом!

– Вчерашний тоже был с букетом, – проворчала я, откидывая одеяло. – Но за это ты меня не хвалила.

– Одевайся скорее! Они с отцом в гостиной, – она наклонилась, подмигнула мне и заговорщицки сообщила: – Обсуждают бизнес!

Я рассеянно покивала и отправилась чистить зубы. Из зеркала на меня смотрело крайней недовольное лицо. Таким герцогов не соблазнишь, но я не собиралась репетировать дружелюбную улыбку. Быстро одевшись и заколов волосы, я спустилась вниз, гадая, дадут ли мне позавтракать, или сразу кинут грудью на амбразуру... то есть на герцога.

Он сидел на кресле в куда более собранной и напряжённой позе, чем вчера устроился в этом же кресле Эрнест. К

моему удивлению, отец что-то живо рассказывал Феликсу, а он слушал с вежливой улыбкой и кивал. Как нормальный человек!

Более того, когда мы с мамой вошли в гостиную, Феликс вскочил, приветствуя леди поклоном. Сейчас его манеры казались безупречными – ничего общего с тем, каким он был вчера в саду.

– Доброе утро, леди, – произнёс Феликс голосом, от которого так и веяло свежестью и теплом летнего ветра. – Простите за ранний и внезапный визит. За мою наглость и в знак извинения за недоразумение, что произошло вчера, прошу вас, госпожа Лидия, примите этот букет. Мы попрощались с вами не на той ноте.

Тут я только поняла, что этот стог на ножках, притаившийся у стены, на самом являлся слугой, в руках которого был настоящий монстр и царь среди букетов. На свежих лепестках сверкали капли росы. Я осторожно подошла к этому великолепию и глаза мои полезли из орбит, когда я увидела, что это вовсе не роса – на цветах переливались маленькими радугами драгоценные камни.

Это же сколько денег ушло на такой подарок? Да лучше бы он преподнёс что-то полезное! Хотя... хватит ли этих камней, чтобы хоть частично погасить папин долг?

– В вашем визите мы заинтересованы в первую очередь, – любезно сказал Феликсу отец. – Лерисса, Лидия, герцог

приехал к нам с потрясающим предложением!

– Герцог, извольте чаю! – оживилась матушка. – Из старых запасов, но очень хорош!

– Не откажусь, если... Не считите за дерзость, но могу я попросить, чтобы его заварила госпожа Лидия?

– Нет, – мотнула головой я, вспоминая вчерашние... эффекты.

– Разумеется! – одновременно со мной и куда громче воскликнула мать, выпихивая меня за дверь. – Лидия всё заварит!

Я оказалась в пустом коридоре одна. Попыталась подслушать разговор внутри гостиной, но дверь была старинной и толстой, и мне удалось лишь услышать спокойный голос Феликса, произнёсший:

– Касаемо ваших плантаций, полагаю вы... бу-бу-бу...

От злости я стукнулась лбом в дверной косяк, а затем поспешила на кухню. Вернуться в гостиную и услышать этот диалог мне было дозволено только через чай. Так приготовлю же его!

Глава 5 Чай ассам - завари сам

Когда я появилась на пороге кухни, служанки, как обычно, сплетничали с самым каверзным видом. Я даже не удостоила их взглядом, лишь бросила, на ходу закатывая рукава:

– Поставьте чайник.

Девушки дёрнулись и уставились на меня в таком шоке, будто в моём лице на них снизошло невиданное чудо.

– Миледи, вы что-то хотели? – почти испуганно спросила блондинка.

Мне не нравились эти барышни, потому я не собиралась поддерживать с ними диалог. Лучше было исследовать кухню. Как обычно, воспоминания никак не подсказывали мне, где стояли посуда и заварка, потому я стала методично открывать шкафчики. Служанки же, похоже, решили, что я глухая, потому что брюнетка шепнула блондинке:

– Ты смотри, после купания в пруде она совсем ку-ку. На кухню притащилась.

– Что ей надо?

– Не знаю, придумала себе что-то. На моей памяти она тут ни разу не появлялась.

– Всё иногда случается впервые, – произнесла я громко. Они вздрогнули и скромно потупили глазки. – Чайник поставьте.

Со второго раза они вроде как поняли и нехотя завози-

лись. Я же обнаружила запасы чая и трав в небольшом шкафчике. Конечно, не сравнить с тем, что было в доме герцога, но и это сойдёт. И раз у нас намечалось утреннее чаепитие, то и чай надо было выбрать подходящий.

– У нас есть простой чёрный цейлонский? – спросила я, флегматично нюхая содержимое банок.

– Какой? – чуть ли ни с наездом спросила брюнетка, округлив глаза. Блондинка всё ещё пыталась быть профессиональной, правда, скорее, потому что посчитала меня сумасшедшей. Тонем, каким обычно говорят с умственно отсталыми или очень тупыми детьми, она обратилась ко мне:

– Миледи, просто скажите нам, что нужно сделать. Вы чайку захотели? Мы заварим.

– Да я сама в состоянии.

– Сама?

Немая сцена. Те же и Лидия. Почему-то простое слово «сама» ввело служанок в состояние полного ступора.

– Ну конечно, сама, – решила добить я. – Герцог попросил, чтобы я сделала это лично.

На лицах служанок появилось нечто, похожее на понимание, но всё равно с большим сомнением. Они отошли в угол, решив, видимо, что оттуда я их не услышу.

– Слушай, надо отобрать у неё чай. Если в нашем доме отравят герцога, мы работу потом не найдём вовек.

– С чего она решила, что способна заварить чай?!

– С чего вы решили, что я безрукая, так ещё и глухая?! –

не выдержала я, швыряя на стол прихватку и, грозно подбоченясь, уставилась на куриц.

– Ой.

Вздвогнув, они прижались друг к другу, как робкие испуганные лани.

– Миледи, – жалобно пискнула блондинка. – Ваши глаза!

Вот блин! Я поспешно отвернулась и сделала вид, что увлечена чаем. Чайник уже всюду плевался паром. За неимением составляющих для классического английского завтрака, я нашла заварки с похожими нюансами аромата. Здесь же главное – качество заварки, а оно не подкачало! Не знаю, наш ли это был чай или купленный с других плантаций, но тот, кто купил его, в чае разбирался прекрасно.

Мне нужно было составить в меру терпкий выразительный ансамбль вкуса с мягкими нотками цитрусов, крупницей пряности, послевкусием восточных специй, ягод и фруктов. Четыре вида чёрного чая стояли передо мной в железных банках, дразня бодрящими ароматами. Я прикрыла глаза, вдыхая сразу все запахи, чтобы настроиться и понять, в какой пропорции лучше смешать их, чтобы получить тот самый вкус английского завтрака.

И чувство, что охватило меня вчера, снова включилось. Руки сами запорхали над банками, нос стал чутать оттенки запахов в десятки раз лучше, будто у меня появился собачий нюх, а сердце наполнилось предвкушением. Что может быть лучше утром, чем классический английский завтрак?

Разные рецептуры включают в себя купажи кенийского, иногда китайского чая, но неизменен остаётся бархат цейлона, обхватывающий язык горьковатой терпкостью! Немного молока и – уже моя добавка – нотка мускатного ореха и корицы, и вот готов чудный бодрящий напиток, настраивающий на рабочий лад.

А не на романтику! Нет-нет, мне точно не нужен был вчерашний герцог, который смотрел на меня, как на дичь. Надо было его смягчить, успокоить, но оставить беседу в деловом тоне. И этот напиток, я могла поклясться, подходил идеально!

На подносе стоял чайник, укрытый полотенцем, сахарница и кувшинчик с молоком. Уперев руки в бока, я с видом победителя осмотрела свой шедевр. И тогда только увидела панику на лице служанок.

– М-миледи?

Вот же... Я едва контролировала себя, когда заваривала чай, полностью отдаваясь вдохновению. И конечно, об этих дамах и думать забыла! Поняли ли служанки, что именно не так с моими глазами? Я кинула на них строгий взгляд.

– Что такое? – спросила я как можно более небрежно, чтобы подчеркнуть, что ничего странного на кухне не произошло.

– Вы... в порядке?

Я чуть не рассмеялась от облегчения. Похоже, они просто решили, что я на самом деле повредила умом после исто-

рии с прудом, никак не связав это с золотым сиянием моих глаз.

– Давайте я отнесу поднос, миледи, – спохватилась брюнетка, но блондинка схватила её за руку и попыталась незаметно подмигнуть. Это выглядело, как тяжелейший тик, но попытку заговора я оценила.

– Вы ступайте в гостиную, миледи, – сладко пропела блондинка. – А мы сейчас принесём чай.

Да они же решили вылить мой шедевр и заварить новый! Я вцепилась в поднос, как утопающая в соломинку.

– Так, даже не думайте! Несите в гостиную то, что заварила я.

Блондинка поджала губы, а брюнетка выпалила:

– Там наверняка дикая бурда! Миледи, вы с безумным видом намешали кучу заварок вместе, ещё и молока решили бахнуть, чтобы наверняка? Что скажут об этом доме, если один герцог подхватил от вас срамную болячку, а второй получит понос?!

– Донна! – испуганно ткнула её локтем блондинка.

– Что ж, может, хоть в таком случае герцоги перестанут приезжать к нам каждый день! – радостно воскликнула я, схватила поднос и умчалась, прежде чем меня смогли остановить.

В дверь гостиной пришлось стучать ногой. Мать открыла, удивлённо окинула меня взглядом и забрала поднос. Кажется, подразумевалось, что принесут чай всё же служанки.

Мать чуть отстранилась, впуская меня, но когда я проходила мимо, быстро шепнула:

– Надеюсь, ты не притрагивалась к чаю? Не знаю, зачем ему понадобилось творение рук твоих, но лучше подать ему хороший чай и сказать, что это ты такая умелица.

– Всё в порядке, – буркнула я.

Безумие какое-то. Я продолжательница рода владельцев чайных плантаций, почему все думают, что мне даже заварку нельзя доверить?

– А вот и чай! – восторженно воскликнула матушка, ставя поднос на низкий столик. – Ох, какой аромат!

Отец заинтересованно дёрнул носом, прерывая диалог с Феликсом.

– Какой... интересный сбор, – заметил он. – Не помню у нас такого.

– Я составила его сама, папа. Специально для дорогого гостя.

Мама чуть побледнела и прошипела мне на ухо:

– Ты уверена, что ему понравится?

– Он хотел чай, который заварила я. Пусть отвечает за свой выбор, – хихикнула я.

Мать побледнела ещё сильнее и потянула руки к чашке Феликса.

– Мой дорогой герцог, быть может, с утра уместнее выпить кофе?

Но поздно – Феликс решительно сделал первый глоток, и

выражение его лица тут же переменялось. На губах его расцвела улыбка, делая совершенное лицо настолько привлекательным, что у меня захватило дух.

– Что ж, раз все собрались здесь, я, наконец, выскажу главную цель своего раннего визита, – сказал он, и голос его прозвучал совсем как мой чай – бархатно, мягко и тепло. – Вы неоценимый специалист, барон Фарнет, и наш разговор заставил меня убедиться, что вы искренне любите чай и всё, что с ним связано. Но, простите мою прямоту, делец из вас никакой. Я могу выжать прибыль из любого бизнеса, без лишней скромности, но мне придётся нанимать компетентных работников и разбираться в этой новой для меня сфере, что делать мне... исключительно лень.

Мы замерли, слушая его речь, словно смертный приговор.

– В идеальном сценарии вы занимаетесь работой плантаций и созданием сортов чая, пока я налаживаю продажи, – продолжил Феликс. – Но какой интерес вам быть наёмным работником, а мне – по сути работать на благо вашей семьи? Нет, мне не надо больше денег, и новый источник дохода мне тоже не нужен. Заняться чем-то я могу только из интереса.

– Как же нам заинтересовать вас? – печально спросил отец.

– Думаю, мы могли бы найти компромисс... через вашу дочь.

Глаза мамы вспыхнули победой, как два прожектора. Губы медленно растеклись в такую сладкую улыбку, что у ме-

ня свело зубы – пришлось налить себе чаю. Отпив глоток, я приподняла брови. Ай да я, ай да кудесница, не чай – а напиток богов! Неудивительно, что Феликс засиял, как солнышко, едва его попробовав.

Ну, сама себя не похвалишь – никто не похвалит, разве что замуж позовут. К слову об этом...

– Что именно вы предлагаете, Ваша Светлость? – прокурлыкала матушка так ласково, что отец покосился на неё в полном недоумении.

На такой градус лесть не поднималась даже при визите герцога Хэндехоххера. Мама превзошла саму себя.

Феликс отставил чашку и обвёл нас нечитаемым взглядом.

– Вы хотите и дальше передавать владение плантациями по наследству своим потомкам, что до меня – королевская семья оказывает перманентное давление в вопросе женитьбы. Полагаю, мы могли бы помочь друг другу.

Мама пискнула и рухнула на диван, обмахиваясь руками. Мы с папой её восторгов не разделили. Мы переглянулись, и я взглядом попыталась передать отцу своё «нет». Он кивнул и повернулся к Феликсу.

– Ваше предложение весьма лестно, Ваша Светлость, – учтиво склонил голову он.

– Я слышу в вашем тоне «но», – изумлённо вскинул брови Феликс.

Его удивление было таким наивным и искренним, что с

моих губ сорвался смешок. Все тут же уставились на меня с разными эмоциями, и я отступила, пытаясь слиться со стеной, что было сложно: сиреневое платье никак не желало маскировать меня на фоне зелёных обоев. Кажется, герцог в самом деле считал себя самой лакомой наградой, и то, что мы не кинулись благодарить его за щедрое предложение, просто не укладывалось в его голове.

– Я не вправе решать за дочь, – выдохнул папа.

Взгляды, обращённые на меня, стали ещё напряжённее. Оказывается, мы тут переводим стрелки! Не хочешь замуж, Лидия, пожалуйста – сама скажи герцогу своё «фи», пока он смотрит на тебя пронзительным синим взглядом, а мама транслирует какие-то радиосигналы, расшифровать которые проще простого.

«Не вздумай отказывать герцогу».

И Феликс ещё смел говорить, что на него давят по поводу женитьбы! Да на меня сейчас оказывалось такое давление, будто я бороздила дно океана в виде рыбы-капли! Собравшись духом, я открыла было рот, но мама совершила прыжок дикой пантеры, закрывая меня спиной, и воскликнула:

– Мой дорогой герцог, позвольте предложить вам прогулку? Лидия могла бы показать вам *ваши* новые владения, и заодно вы обсудили бы детали помолвки!

Феликс удовлетворённо кивнул.

– Полагаю, это уместно.

А меня спрашивать никто не стал. Папа сидел в кресле,

скромно потупив глазки, а мама утщила меня одеваться, потому что, разумеется, без перчаток и шляпки я даже на крыльцо не могла выйти. И вроде привычны мне должны были быть эти нравы, а казались почему-то дикими.

Заботливая мамочка даже лично застегнула на мне пуговики верхней накидки, при этом бормоча, словно заклинание:

– Похоже, он не в курсе, что ты не девственница, ещё и больная. Благодарю золотую Малику за то, что он нелюдимый и не интересуется делами вне своего поместья! И лучше бы тебе быстренько вылечиться и выскочить за него до того, как он выяснит правду.

– Но мама, я...

– Лидия! – шикнула она, вскидывая на меня гневный взгляд. – Мы в шаге от нищеты, я продаю украшения, чтобы заплатить прислуге. Если ты вернёшься с прогулки не невестой герцога, то с тем же успехом ты можешь не возвращаться вообще.

Мотивировать она умела, этого не отнять. С кислой миной я вышла на террасу, где меня уже поджидал дракон.

Конечно, при взгляде на него появлялись сомнения насчёт того, правда ли я хочу гнуть линию свободы и независимости. Весеннее солнце играло в серебристых волосах, зелень сада выгодно оттеняла мистическую синеву его глаз, а искусно подобранные украшения так и кричали о больших деньгах. Мне с трудом удалось не пялиться на него в полном восторге, пуская слюни.

– Не понимаю вас, – лениво протянул он, обращая взгляд в глубину сада. – Это какой-то хитрый приём? Заинтересовать меня, сделав вид, что не хотите брака?

– Вы и не пытались понять меня, Феликс, – вздохнула я, и мы спустились с террасы на мощёную дорожку.

– Да как же вас понять? Я самый завидный холостяк в королевстве, любая пиццала бы от радости, как ваша матушка, намекни я о свадьбе. Вам я предлагаю её открытым текстом, а вы... Ведёте себя так, будто в вашем положении у вас масса вариантов.

– Что вы знаете о моём положении? – устало спросила я, неизящно уклоняясь от низко растущей ветки.

– Пришлось поручить людям небольшое расследование. Я не интересуюсь сплетнями, но столица питается ими. С наибольшей вероятностью после заявления Эрнеста ни один аристократ не решится даже танцевать с вами на приёме, куда там говорить о большем.

Я резко остановилась, прикрыла глаза и глубоко вдохнула. Как так вышло, что моя репутация полностью уничтожена, а герцогу как с гуся вода? Что такое он наговорил и какие доказательства предъявил?

– У меня с Кугельшрайбером ничего не было, – покачала я головой. – Всё, что он говорит – гнусная ложь, направленная на оправдание расторжения нашей помолвки. А разорвать её он решил, когда узнал, что не получит плантации, ведь их уже забрали вы.

– Тогда я тем более должен взять за вас ответственность,
– пожал плечами Феликс.

– Не бойтесь, что и о вас пойдут сплетни? – ехидно уточнила я. – Взять порченную невесту...

– Мне всё равно, что они будут делать дальше среди этого вранья, ведь я точно знаю, что вы непорочны. И к слову... – он загадочно улыбнулся. Белизна его зубов слепила, словно они были сделаны из фарфора. – Я могу всему миру доказать, что Эрнест врёт, выставив его в совершенно идиотском свете. О, неужели я наконец-то вижу в ваших глазах интерес?

Я не смогла скрыть нахлынувшее на меня волнение. Ладони сразу вспотели, и я нервно вытерла их о юбку, не заботясь о манерах. Если честно, я в принципе мало о них заботилась, удивляюсь даже, как меня принимали в столице.

– Пойдёмте вперёд, – сморщил нос Феликс. – Я люблю ходить хоть куда-то, когда разговариваю. К тому же взгляд вашей матери из окна скоро просверлит в моём пиджаке дырку.

– Будет жаль, дорогой, наверное, – съехидничала я.

– Модная и качественная вещь необязательно дорогая, – пожал плечами герцог. – Хотя пиджак, конечно, стоит состояние.

Меня забавляло, как он пытается кичиться своим богатством, жадно ловя любую реакцию на моём лице. Казалось, Феликс только и ждал, пока я сниму маску и покажу истинное алчное лицо, жаждущее запустить зубы в его имущество.

Я усмехнулась от нелепости ситуации.

— Знаете, мать учила меня всего добиваться самой и не принимать подачек, будь то деньги или услуги.

— Ваша мать? — изогнул бровь Феликс. — Та самая мать, что готова была выдать вас за меня с порога?

— Если честно, иногда мне кажется, что какая-то другая... — вздохнула я, опускаясь на скамейку. — В моих воспоминаниях она всегда учила меня быть чуткой и доброй, приходить на помощь другим и никогда не опускать руки. Сейчас я словно смотрю на её полную противоположность, но в сердце храню всё, что она говорила. Потому, простите, но как бы вкусно не звучало ваше предложение, я понимаю, что оно мне слишком дорого обойдётся. Ведь вы же не из чувства справедливости хотите помочь восстановить мою репутацию.

Он нахмурился и не стал отрицать. Я даже была благодарна за его честность. Феликс сел на скамейку на почтительном расстоянии от меня, и мы оба задумчиво уставились вдаль, на зелёные чайные холмы.

— Я провёл два года в абсолютной апатии, — подал голос герцог. — Жизнь казалось серой, и то, что радовало других, не приносило мне и тени положительных эмоций. Пока я не попробовал ваш чай. Один глоток словно открыл мне глаза, снял груз с души, и мне снова захотелось жить.

— Для того, чтобы выпить чаю, совсем необязательно жениться на мне. Мы могли бы пить чай как друзья, например.

– Но я не хочу дружить с вами, Лидия. Я хочу владеть вами, целиком и безраздельно, – сказал Феликс и сокрушённо вздохнул.

– Спасибо за предупреждение, проклятуший вы маньяк, – пробормотала я, порываясь встать и уйти, но он схватил меня за предплечье, удерживая, а затем посмотрел на свою руку в полном ужасе и столь же стремительно одёрнул.

– Простите, нет... – он тряхнул головой, словно сгоняя навяждение. – Но ведь это ваша судьба, быть магнитом для драконов! Завидев сияние золотых глаз, мы теряем голову. Эрнест ведь не знал, что вы златоглазая, верно? Иначе не отпустил бы.

– Да что там Эрнест – я сама узнала вчера.

– Вероятно, вы и получили дар недавно, привлекли чем-то внимание богини. Только драконы имеют врождённый дар – и мы всегда зорко следим за появлением златоглазых. Вы должны оберегать свой секрет очень тщательно, Лидия. Не всякий дракон захочет с вами договориться. Они могут... захотеть получить вас силой.

Сказав это, Феликс вздрогнул, будто тема его пугала. Признаться, его нервозность передалась и мне.

– Папа упоминал, драконам нужны златоглазые, чтобы родить ребёнка-дракона, но вы говорите именно о моём даре. Зачем драконам девушка, которая умеет заваривать чай? – нервно хихикнула я. – Мой дар, похоже, полезен только вам и вашей депрессии.

– Вы не понимаете, – Феликс качнул головой, грустно улыбнувшись. – То, что златоглазые способны родить ребёнка с драконьей кровью, это полдела. Союз дракона и златоглазой раскрывает силу и магический талант обоих.

– И что для этого надо сделать? – осторожно спросила я, не желая соглашаться с догадками, на которые меня уже наталкивали слова Феликса. Но он их подтвердил:

– Овладеть. Необязательно жениться. Главное – сорвать цветок невинности, и неважно, что будет с девушкой потом. Иные драконы... – он замялся, задумчиво провёл пальцем по дереву скамейки. – Не заботятся о том, чтобы остановиться на одной златоглазой. Девушка разделяет магию с драконом лишь раз, дракон же волен увеличивать свою силу, снова и снова соблазняя новых златоглазых.

– Господи, – прошептала я, прижимая руку ко рту. – То есть я могу доказать, что невинна, если заявлю, что златоглазая. Но тогда...

– На вас откроется охота, Лидия. И не стану врать, единицы захотят видеть в вас будущую жену. Для таких, как Эрнест, а уж тем более для самого короля, вы станете просто способом увеличить силу.

– Что насчёт вас? – спросила я звенящим голосом. – Вы хотите больше силы?

– О нет, – он вдруг рассмеялся. – Мой дар чудовищен по своей сути. Я бы рад избавиться от него, уж точно не усилить.

– Что же плохого в абсолютной удаче?

Красивые губы Феликса снова скривились в унылой гримасе, которую я во всей красе рассмотрела вчера. Тут же захотелось напоить его чаем.

– Вы не сможете скрываться вечно, Лидия, – сказал он, резко меняя тему. – Но под защитой дракона другие не посмеют вас тронуть. Если мы заявим всему миру, что вы моя, вы будете в безопасности.

На душе стало грустно и пусто. Что же за дар такой, Малика, с которым мне не будет спокойной жизни?

– Я мечтала выйти замуж по любви... – пробормотала я обречённо, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы. – Влюбиться в парня, а не выскочить за него, чтобы на меня не покушались его собратья. И чтобы он в меня влюбился, а не хотел заполучить меня, потому что мои глаза пробуждают в нём драконьи инстинкты.

– Вы были влюблены в Эрнеста? – с сочувствием спросил Феликс.

– Не знаю. Правда, мне он кажется таким кошмарным, почему я вообще с ним связалась? Кажется, моя жизнь превратилась в какой-то сюр, – всхлипнула я, пряча лицо в ладонях. – Я всё время была занята, и верила, что там, впереди, всё будет: и перспективы, и богатство, и своя жилплощадь, куда я увезу маму, и любовь. А в итоге что? Грязные слухи, дар, больше похожий на наказание, и коллекторы, которые скоро долг из папы придут выбивать.

– Мне кажется... – задумчиво протянул герцог, и я повернула к нему зарёванное лицо. Ну чтобы не забывал, за какой красоткой охотится. – Это всё решаемо.

– Например? – шмыгнула носом я. Феликс, поджав губы, протянул мне шёлковый носовой платок с вензелями.

В жизни ещё не приходилось сморкаться так роскошно.

– Мы знаем, как пресечь слухи, да и долги – точно не беда.

– От вас я денег не приму.

– Я могу одолжить их вашему отцу, если вам так будет проще. Если всё выгорит, своему тестю долг я прощу. Остается любовь, – Феликс призадумался. – Сколько вам надо, чтобы полюбить меня?

Взгляд его был чрезвычайно сосредоточенным, длинные ресницы оттеняли волшебные глаза, волосы, как и вчера, лежали в потрясающе небрежно-стильной манере. Кажется, вздумай он по-настоящему ухаживать за мной, я бы не смогла противиться долго.

– Ну месяца два... – робко предположила я.

Брови Феликса скакнули вверх.

– Месяца? Я про сумму.

– Опять про деньги? Феликс, любовь не покупают!

– Нонсенс, – ухмыльнулся он. – Украшения, ужины в ресторанах, цветы, конные прогулки и походы на спектакли – романтика, которая требует трат. Я могу погасить долги вашей семьи и завалить вас подарками. Добавьте к этому, что я потрясающе красив. Хотите сказать, что ваше сердце мне

не откроется? Да вы не найдёте такого, как я, никогда.

От его прямолинейности захватывало дух, так что я посмотрела на него с искренним восхищением.

– Вас не так-то просто отшить, Ваша Светлость, – улыбнулась я, утирая последние слёзы.

– Ну вот вы и улыбнулись. Делаю успехи, не так ли? – удовлетворённо заметил он. – Я мыслю просто: если я хочу что-то – то получаю. А я ничего не хотел уже очень давно. Позвольте мне хотя бы попытаться заполучить вас, Лидия. Я могу долго ходить вокруг да около, но будет проще, если вы сразу скажете, что для этого требуется.

Настырный дракон! Я рассмеялась, не в силах поверить, что он говорит всерьёз.

– А вы? – спросила я, комкая платок в руке. – Разве вы не хотите влюбиться? Испытать трепет при взгляде на ту самую, ждать каждой встречи, считать минуты, помнить её любимый цветок, хранить локон в нагрудном кармане...

– Так вы романтик, – прервал поток моих грёз Феликс, резко поднявшись. – Я вас понял. Заеду завтра в одиннадцать, будьте готовы.

– Что? – растерялась я. – Зачем? Куда вы собрались?

– Мы, – поправил Феликс. – Увидите. В конце концов, романтики любят сюрпризы.

Глава 6 Светская львица

Я вернулась домой не сразу, только когда услышала, как отъезжает карета Его Светлости. Да и после ещё посидела на скамейке, мысленно готовясь к тому мозговывосу, который устроит мне маменька.

В дом проникала крадучись, но стоило войти с террасы внутрь, щурясь от смены освещения, как тёмные силуэты родителей встретили меня на пороге. От неожиданности я ойкнула. Казалось, глаза матери подсвечиваются демоническим сиянием.

– Мама, послушай, – начала было я, но меня тут же перебили.

– Ну разве ты не умница?

– Я? Да, – растеряно пробормотала я. – А почему умница? Герцог же... уехал.

– Понятно, что помолвки не заключаются за один день, – продолжала мать, чуть ли не танцуя. – Но он вернётся завтра! Кто знает, может, завтрашний подарок будет ещё дороже? Наши дела пойдут на лад!

– Ну, если мы будем продавать подарки герцога...

– Зачем? – удивлённо уставилась на меня мать. – Жалованье, что он назначил твоему отцу как управляющему плантациями, весьма солидное!

Я вопросительно глянула на папу, и тот с улыбкой кивнул.

– Мы с герцогом Септимом заключили некоторые договорённости, – сказал он. – Пока что я буду заниматься всем, что не связано непосредственно с продажами. Более того, герцог милостиво согласился взять на себя наши долги перед Эрнестом.

– Ох, не к добру это, папа, – пробормотала я. – Ведь теперь мы просто должны не Крокембушу, а Феликсу.

– Он простит нам долги, когда вы поженитесь, – радостно причмокнула мать.

– Но ведь у бывшего жениха папа одалживал деньги с той же мыслью... – попыталась вразумить их я, но меня уже никто не слушал.

И глядя на довольные лица родителей, я не посмела дальше пытаться разрушить их хрупкое хорошее настроение. Наверное, всё и правда выглядело оптимистично: коллекторы к нам не придут, у отца снова есть источник дохода, и долговая яма, ещё вчера грозившая нам полным лишением имущества и потенциальным рабством, больше не маячила в нашем будущем.

Но неужели история с финалом моей предыдущей помолвки не научила их не доверять драконам?

Утром отец в приподнятом настроении собирался на своё новое место работы. Даже мама не ворчала и не обвиняла нас во всех грехах, так что и я невольно успокоилась.

– Ты едешь на плантации? – спросила я, ковыряя вилкой омлет. – Можно с тобой? Я хотела бы посмотреть на работу

плантаций и, может, смогу помочь чем-то.

Папа снисходительно улыбнулся, и я впервые почувствовала себя маленькой и несведущей в его обществе.

– Лидия, работа – это не для юных девушек, – покачал он головой. – Позволь мужчинам заниматься делами, а сама составь компанию герцогу.

– Вот именно, это лучшее, чем ты можешь помочь семье, – промурлыкала маменька.

Надо же, какое единение! А я думала, они друг друга на дух не переносят. Я уныло опустила взгляд в тарелку. Хотелось напомнить отцу, чьими стараниями мы чуть не пошли по миру, а чьё умение заваривать чай привело герцога и его помощь к нашему порогу, но я решила не портить ему настроение.

Я знаю, они хотели, чтобы я встретила герцога во всеоружии, но в итоге настроение у меня было хуже некуда. Мама снова выбрала мне платье и прошипела:

– Не забывай улыбаться! А то герцог Септим может и передумать насчёт тебя.

– Он жаждет моей компании вовсе не из-за улыбки, – вяло возразила я.

– Это понятно, – фыркнула мама. – Всем им нужно только одно, а улыбка заставляет их думать, что ты будешь сговорчивее и дашь им желаемое быстрее других девушек. Так что улыбайся, Лидия! Но не давайся сразу. Подогрей в нём охотничий азарт, он же дракон!

Наставления мамы сработали. Правда, не так, как она ожидала. У меня окончательно пропало желание общаться хоть с кем-либо, и когда ровно в одиннадцать Феликс постучал в дверь, маме пришлось насильно тащить меня на первый этаж.

– А вот и Лидия! – приторным голосом воскликнула мама, впихивая меня в гостиную. – Заждалась вас, Ваша Светлость!

– Оно и видно, – бросил Феликс, исследуя моё лицо равнодушным взглядом.

Мои поджатые губы и насупленные брови говорили сами за себя. И даже вид охапки бархатно-красных роз, что с трудом удерживало двое слуг, меня не вдохновил.

– Я привёз вам букет, но даже не услышал спасибо. Не нравится? – спросил он.

– Повторяетесь, – ответила я ехидно, хоть мать и пыталась при помощи воспитательного тыканья локтем наекнуть мне, что с герцогами так не разговаривают. Но меня было не остановить. – Да и без камушков как-то скромно.

– Камушки имеются, просто в другом виде, – качнул он головой. – Но есть одна проблема. Ваш наряд выглядит слишком скромным для них.

– Простите, – я присела в издевательском реверансе. – Вряд ли наша семья способна купить наряды, что будут достойны взора Вашей Светлости.

– Я это предусмотрел, – невозмутимо кивнул герцог и по-

вернулся к слуге. – Выпускайте модистку.

Почему-то мне живо представился кракен, утягивающий меня на дно океана платьев, и, честно говоря, по своей разрушительной мощи энергичная полная дама за пятьдесят, вдруг выпрыгнувшая на меня из коридора, мало от него отличалась. С ней было две помощницы и целая гора платьев в чехлах.

– Все эти наряды уникальны, – уверяла меня она. – За внезапный выезд герцог пообещал заплатить втридорога за каждое платье, что вы выберете. Как вам лиловое? Сандорский шёлк! А вот это? Рубиновый бархат с запада!

Эти наряды были совсем иного класса, сразу было видно. Произведения искусства, а не платья, и место им было в музее, а не на живом человеке. Мне стало неловко от такой роскоши, но под напором мадам Иттс я не смела возражать.

– Мне нравится лиловое, – согласилась я, и мадам Иттс торжественно кивнула.

А затем на кончиках её пальцев зажглись искорки, окружившие меня со всех сторон. Они подтягивали нитки и драпировку, подгоняя платье идеально по фигуре.

– Толковое платье магией не сшить, – делилась мадам Иттс. – Но вот подправить – пожалуйста. Как оно выгодно подчёркивает ваши солнечные волосы! Другие леди на приёме обзавидуются вам и будут спрашивать, у кого вы заказывали платье. Не стесняйтесь называть моё имя!

– На приёме? – переспросила я растеряно, но помощница

мадам Иттс закрепила последнюю шляпную шпильку в моей причёске и отступила.

– Красавица!

– Наяда!

– Сама грация! – принялись расхваливать они наперебой.

Когда я спустилась вниз и вошла в гостиную, где мама развлекала дорогого гостя, Феликс тут же вскочил. Взгляд его загорелся, стоило дракону увидеть меня.

– Я знал, – слабо улыбнулся он. – Не сомневался, что выбор ваш падёт на него.

Он щёлкнул пальцами, и слуга подал бархатную коробочку. Феликс открыл её, демонстрируя мне ожерелье и серьги из сверкающих аметистов – комплект идеально подходил к платью. Признаться, у меня захватило дух.

– Я не могу принять это, – робко возразила я, хотя мама на фоне прожигала во мне дырку взглядом. – Это очень роскошный подарок.

– Какая девушка, такой и подарок, – усмехнулся Феликс, доставая ожерелье. – Позвольте?

Надо отказаться... Но как же хотелось ощутить хоть на миг прохладу роскошного металла и камней на коже! И я малодушно повернулась спиной к дракону, чувствуя, как его пальцы ненароком касаются кожи, пока он застёгивал на мне украшение. Казалось, он одёргивал их, как от огня, когда задевал меня, но всё же прикосновения были неизбежны.

– Вы обворожительны, – прошептал он.

– В ваших словах нет искренности. Просто привычный знати рядовой комплимент, – тихонько вздохнула я.

– Я поработаю над искренностью, – хмыкнул Феликс. – Научусь вкладывать её столько, сколько вам потребуется. Мы можем ехать?

– Но куда?

– Это сюрприз, забыли?

Я бросила последний жалобный взгляд на мать, но та радостно помахала мне рукой. С чувством, будто иду на эшафот, я вошла в роскошный экипаж в компании равнодушного ящера. Чаю бы ему... Но мы уже отъехали, и кони несли нас в неизвестном направлении.

Без шляпки нельзя, без перчаток моветон, а с полужнакомым драконом в одной карете, значит, пожалуйста, если есть надежда упихнуть дочурку замуж. Хотя в нынешнем состоянии Феликс вряд ли собирался покушаться на мою девичью честь – казалось, ему куда интереснее вид за окном. Даже обидно стало, что все усилия мадам Иттс он оценил одним скупым комплиментом.

Казалось бы, мне грех жаловаться – я же не собиралась поддерживать попытки Феликса меня завоевать! Но ехать было неизвестно сколько, тишина потихоньку начинала напирать, а дракон всё так же безучастно пялился в окно.

Меня захватила какая-то неуместная девчачья обида. Я в жизни так хорошо не выглядела, а он бесчувственный чурбан! И мне захотелось привлечь его внимание.

Я ёрзала, томно вздыхала, доставала веер и обмахивалась им, прятала, одёргивала юбку – всё впустую! Выдержка меня покинула.

– Вы не собираетесь со мной даже поговорить? – воскликнула я с претензией. – Мне казалось, это свидание!

Феликс повернулся ко мне с весьма довольным видом.

– Я мог бы начать разговор, но вы бы закатывали глаза и демонстрировали недовольство тем, что я куда-то вас тащу. А теперь, гляньте, стоило немного вас помариновать – и вы сами предложили пообщаться.

Я так и замерла с открытым ртом, переваривая информацию. Вот же проклятый манипулятор!

– Теперь я не скажу вам ни слова! – праведно возмутилась я, скрестила руки на груди и повернулась к окну.

Феликс загадочно рассмеялся и... никак не прокомментировал это. Я подождала, но он всё так же молчал. Мои выжидательные взгляды он игнорировал.

– Почему вы смеётесь?

– Ну вот, ваша молчанка продлилась минуту, – развеселился дракон. – Я это предвидел. Вы читали труды Сигизмунда Грейда?

– Нет, – буркнула я.

– Он изучает новомодное направление, психологию. Таких, как вы, он называет «экстравертами». Я читал его книги, весьма занимательно и помогает лучше понять людей. Было очевидно, что молчать вы не сможете. Вы непосред-

ственные и общительны, Лидия.

– А вы, значит, интроверт?

– Верно. Так вы всё же читали?

Я призадумалась. Впервые слышала об этом авторе, но понятия мне были знакомы. Знать бы, откуда...

– Это же модно, наверняка зацепила краем уха разговоры в столице, – сама себе объяснила я.

Рассуждения об утерянной памяти всегда пугали меня. Мир казался одновременно незнакомым и знакомым, будто я сходила с ума. Пожалуй, с Феликсом делиться таким не стоило, да и вообще, подобное принято держать при себе.

Карета остановилась. Я тут же выглянула в окно, но мы стояли в чистом чайном поле.

– Здесь откроем портал, – пояснил герцог, и меня вдруг захватил неуёмный восторг.

При мне уже упоминали порталы, но я их не видела! Заметив мой засиявший взгляд, Феликс удивлённо приподнял бровь.

– Вы выглядите, как ребёнок, которому предстоит в первый раз использовать порталный камень.

Он сказал это так обыденно, что я почувствовала себя дурочкой. Почему-то мой мозг считал, что порталы – это что-то невероятное, и это было сложнее объяснить, чем мою осведомлённость в психологии.

– Я просто очень люблю их, – пробормотала я смущённо.

– Правда? Если вам доставляет это удовольствие, можем

выйти из кареты и вы сами активируете камень.

– Можно? – восхитилась я и тут же растерялась. – А как?

Феликс открыл дверь кареты, выходя наружу. Я быстро последовала за ним, но дракон, обернувшись, не позволил мне спуститься со ступеньки на землю. В его глазах словно полыхнула молния.

– Лидия, – спросил он внезапно ласковым тоном. – Где вы росли?

– В смысле? Дома.

– А кажется, что в сарае. С собаками.

– Собак в сарае не держат.

– Видите, какое знание дела, – дёрнул бровью он. – Итак, демонстрирую в первый и последний раз.

Он протянул мне руку, и я задумчиво посмотрела в ладонь, думая, что в ней что-то есть, но там было пусто. Феликс очень тяжело вздохнул.

– Леди не выходит из кареты сама.

– Но я вполне способна...

– Верю, на многое. Но это этикет. И на будущее, леди не влезает в карету сама, придерживая юбки, охая и вертясь внутри, зашибая кавалера кринолином. Я смолчал, но попрошу вас по прибытию на место это учесть.

– О! – закивала я. – Учту, конечно. Если не захочу ненароком опозорить вас и тем самым убедить не охотиться за моим сердцем.

– Если вы делаете это нарочно, то вынужден вас огорчить:

такой подход не работает. Если же вы ведёте себя таким образом неумышленно, напомните мне выписать вам преподавателя по этикету. Невесте герцога положено быть эталоном воспитания.

– Хорошо, что я не невеста герцога, – ехидно ответила я, и, проигнорировав его руку, нарочито неуклюже вывалилась из кареты, охая и придерживая юбки. А напоследок ещё и завертелась, задевая его кринолином. Чтобы знал, с кем связался, драконище поганое! Тоже мне франт.

– В нашем районе таких за гаражами бьют, – проворчала я тихонько.

– Что?

Я моргнула, выныривая из наваждения. Я и сама была не уверена, что сейчас произнесла.

– Говорю, я готова к демонстрации работы порталного камня!

Феликс прищурился, но спорить не стал. На этот раз на его раскрытой ладони лежал плоский полупрозрачный камень. Всю его поверхность покрывала сложная руническая вязь.

– Возьмите, я помогу с активацией, – сказал дракон, становясь за моей спиной.

Мне снова показалось, что соприкосновение со мной даже через одежду вызывало у него напряжение. И не в том смысле, в каком оно должно возникать у молодых мужчин при контакте с симпатичной девушкой! Феликс словно каменел.

– Да вы же ненавидите прикосновения! – озарило меня. – Зачем вам тогда жениться?

– Лидия, камень. Сосредоточьтесь.

В активации порталов самым сложным оказалось быстро швырнуть камень вперёд, чтобы портал не открылся у нас под ногами, и мы не провалились вниз. Покорившись указаниям Феликса, я размахнулась и бросила горящий камень вперёд, и вдруг обнаружила, что я способна мощно метать предметы.

– Вас не назовёшь изнеженной барышней, – с некоторым удивлением отметил Феликс. – Впрочем, это было очевидно по тому, как вы лазаете по деревьям. Многие пытались покорить ту ветку, но лишь вам удалось это с ловкостью и грацией.

– Ну хоть что-то я сделаю с грацией, раз уж в карету заходить не получается, – ядовито ответила я.

К моему восторгу камень полыхнул в воздухе, а затем разлетелся на искры, и на его месте вспыхнула голубая воронка достаточного размера, чтобы в неё проехал наш экипаж. Ойкнув от неожиданности, я рассмеялась и захлопала в ладоши. Феликс усмехнулся.

– Вы дикарка.

– Почему это звучит, как комплимент? Искренний, спешу заметить, первый в вашем исполнении.

– Потому что вы прелестны в своей дикости. Поехали, –

буркнул он.

Мы переглянулись, словно ковбои перед перестрелкой, а затем наперегонки бросились к карете. Юбка путалась в ногах, но я не уступала, и первая шмыгнула внутрь.

– Я должен подать вам руку! – воскликнул Феликс, бесцеремонно хватая меня за талию и вытягивая из кареты. Я хохотала и отбивалась, выскальзывая из его рук.

– Зачем вы мучаете себя? Вы же ненавидите трогать людей, признайте!

– Это... этикет, – растерялся он.

– Наплюйте! Здесь только я и ваши слуги, кто расскажет миру, что вы не подали даме руку?

Я вдруг обнаружила себя в его объятиях, хохочущей и раскрасневшейся, и он впервые казался расслабленным. Во время нашей потасовки его идеальная причёска утратила свой лоск, а на щеках горел румянец. Взгляд его лихорадочно исследовал моё лицо.

– Дикарка, – повторил он. – Вы бодрите не хуже вашего чая.

Он отпустил меня и отступил, позволяя залезть в карету так, как мне угодно. А я почувствовала, как краска смущения запоздало залила мои щёки.

Карета въехала в портал, выплёвывая нас на другой стороне. Я тут же забыла про смущение, во все глаза глядя на раскинувшуюся перед моими глазами картину.

Перед нами раскинулся огромный парк, поражающий

свои великолепием. За кронами деревьев виднелся роскошный дворец, дорожки сверкали мрамором, фонтаны слепили золотом статуй. Вдалеке белели мачты кораблей. Кареты, что стояли здесь в ожидании своих пассажиров, ничуть не уступали экипажу Феликса. Всё это поражало настолько, что я нашла в себе силы лишь беспомощно распахнуть рот.

Дракон был доволен. Правда, мой шок он понял по-своему.

– Да, на фестиваль драгон-гала не достать пригласительные, но для меня это не проблема. Понимаю ваш трепет, ведь ваша семья никогда не удостоивалась чести побывать на нём. Здесь соберутся все сливки общества.

Я уже подала ему руку, чтобы всё же позволить вывести себя из кареты, как леди, и тут оступилась и неуклюже полетела в объятия Феликса.

– Если вы хотите прижаться ко мне, необязательно изображать падение, – приподнял бровь герцог.

– Да нет же, я просто... Ай, ну вас, – я резко отстранилась, одёргивая юбку. – Я от неожиданности. Если тут будут все, то мне тут быть как раз не стоит, учитывая мои сложности со Штангенциркулем.

Бровь Феликса изогнулась ещё сильнее, затем он задумчиво выдал:

– Да, штангенциркуль – это не так просто...

– Я про герцога.

– Ах, – Феликс чуть закатил глаза. – Поведайте мне тай-

ну, Лидия, вы хоть раз повторились, называя вариации его фамилии?

– Нет, – я широко улыбнулась. – Даже про себя! Я внимательно слежу за этим. У меня и список заготовок есть, на случай внезапной встречи с ним!

Феликс тяжело вздохнул и подставил мне локоть. Он не говорил «дикарка», но я уловила эту мысль в свежем морском бризе.

Охрана не спросила у нас приглаательные, им хватило одного взгляда на Феликса, чтобы покорно расступиться. Мы прошествовали внутрь, и здесь, с высокой лестницы, я смогла рассмотреть это место во всей красе.

– Это прекрасно, – выдохнула я и вдруг почувствовала невероятный прилив вдохновения. – Как бы я хотела создать чай, вкус которого напоминал бы этот момент и это место!

Феликс посмотрел на меня весьма заинтересованно.

– Скажите, какие вам нужны ингредиенты – и их достанут. Я улыбнулась, предвкушая. Тёмно-синие глаза Феликса вдруг посмотрели на меня мягче, почти с симпатией – если он был на такое способен.

– В душе вы художник, Лидия. Но вы выбрали необычный холст и краски.

И снова естественный комплимент, и снова мои щёки предательски запылали! Ох, вне своей меланхолии Феликс мог быть просто обворожителен. Но вот он заметил стайку

каких-то девушек, стремительно приближающихся к нам, и лицо его мгновенно скисло. Он потянул меня за локоть, заставляя свернуть с основной дорожки на боковую, скрытую тенью деревьев.

– Оп, мизантроп! – хихикнула я. – Если вам так неприятно быть в обществе, зачем мы сюда притащились?

– Каждая леди мечтает попасть на драгон-галу, – словно заученный текст оттарабанил Феликс.

– Это в какой-то методичке написано? – поинтересовалась я. – Куда водить, какие цветы дарить, чтобы покорить сердце дамы?

– Женщины – комплексные личности, разве можно упихнуть способы их соблазнения в методичку? – изумился Феликс и добавил: – Это учебник, причём двухтомник.

Вот и думай, пошутил он или всерьёз. Учитывая его прямолинейность, мог и правда учебник купить. Я вздохнула.

– И как же учебник рекомендует развлекать даму на свидании?

Глаза Феликса полыхнули синим драконьим пламенем. Мне захотелось поёжиться. Одно я уже успела понять точно: если он что-то делал, то делал это с размахом.

– До того, как начнётся главный концерт вечера, драгон-гала предлагает множество развлечений для гостей, – сообщил он. – Торговые ряды с уникальными товарами, игры, катание на лодках, выставки, дегустации – дня не хватит, чтобы обойти всё. Посему, Лидия, на сегодняшний день вы

должны следовать только одному правилу: на мне все доходы, на вас все расходы.

Он неисправим. Но раз уж я тут, почему бы не повеселиться? Указатели над дорожками подсказывали, в какой части парка притаились различные аттракционы. Их обещали великое множество, но на деле...

Всё упиралось в этот дурацкий этикет!

Я ждала сладкую вату и леденцы, но эта еда тут была не в чести. Только тарталетки из сухого пресного теста, зато с чёрной икрой. Вкусно, но мало – угощения были размером с ноготок!

Никакой ритмичной музыки – только завывания контрабаса и скрипки, никакой беготни и криков – только степенное расхаживание знати. Дамы придирчиво разглядывали наряды друг друга, кавалеры обсуждали доходы. Ни погresti на лодке, ни покататься на лошади самостоятельно тоже не давали: на лодках были гребцы, что неспешно вели их по каналу, а лошадей и вовсе водили под узду, пока очередная дама, неловко смеясь и прикрывая рот веером, сидела в дамском седле.

– Дамское седло! Что за издевательство! – прошипела я.

– Даме не положено, кхм-кхм, раздвигать ноги, – пояснил Феликс. – Неужели вас не обучали правильной езде?

– Какой правильной? Боком, как дурочка? – возмутилась я. – Нет, так не пойдёт! На первый взгляд тут куча развлечений, но на второй тут невероятно скучно. Верните свою

книжку и потребуйте деньги назад: не каждая леди в восторге от галы.

– Вам скучно? – изумился дракон. – К каким же развлечениям вы привыкли?

– Я бы сказала, да вы же снова обзовёте меня дикаркой.

– Дайте угадаю... Например, ломать носы бывшим женихам. Такое вам по душе?

Я смущённо кашлянула.

– Вовсе нет, – пробормотала я.

– Правда? Славно. Значит, Эрнест идёт к нам вовсе не с целью поскандальить, верно?

Глава 7 Вечер перестает быть томным

Встреча с герцогом Гоголем-моголем в мои планы никак не входила. Но вот он, родимый, надвигался на нас, и цвет его пурпурного костюма вполне соответствовал цвету его носа, напоминавшего перезревшую сливу. Я даже озадаченно посмотрела на свою руку. Обычная для девушки рука, хрупкая, изящная... Но удар поставлен. Феликс прав, я не самая изнеженная барышня!

Надо расспросить отца по возвращению. А сейчас важнее было избежать встречи с драконом, яростные всполохи в глазах которого были заметны нам с противоположной стороны дорожки.

– Давайте в кусты! – воскликнула я и попыталась столкнуть Феликса с дорожки, но в нём снова проснулся камень.

– Мы ещё недостаточно близки.

– Феликс! Ты знаешь, что шутки у тебя де...

– ...нь добрый, Эрнест, Виктория, – с ледяной вежливостью поприветствовал мой спутник. Пришлось и мне бросить попытки бросить его в терновый куст, где ему было самое место, и неловко поздороваться с подошедшими.

Девушка, что держала под локоть моего бывшего жениха, была, безусловно, красива: тонкие черты лица, смоляные ло-

коны и бледная кожа – всё подчёркивалось алым платьем, а корсет был затянут так туго, что талия казалась в руку толщиной. А вот макияж подкачал: тёмные тени вокруг глаз добавляли ей болезненности. Я бы посочувствовала ей, если бы не наткнулась на внимательный высокомерный взгляд, что смерил меня с ног до головы и обдал леденящим презрением пополам с насмешкой.

Кажется, мы не подружимся. А у меня вообще есть дружба?

– Феликс, Лидия, – кивнул бывшенький и даже выдавил улыбку. – Как странно видеть вас здесь. Нелюдимый герцог, который выходит в свет разве что ради партии в карты, и... хо-хо, девушка, которую и так чересчур активно обсуждают. Как вам драгон-гала?

Так он пришёл остроумие потренировать? Тщетно. Какой там острый ум – Эрнест и стандартным не мог похвастаться. По внутренней шкале я ставила его где-то между каракатицей и оленем в период гона, не в обиду им.

Раз уж диалог начал мужчина, я в своём дикарском понимании этикета посчитала, что и ответить ему должен Феликс, но пауза затянулась. Когда я посмотрела на него, то обнаружила, что он очень напряжённо смотрит на спутницу Эрнеста, аж желваки выступили. Подобное состояние у него не возникало даже от прикосновений, будто он смотрел на оживший кошмар.

Виктория томно взмахнула ресницами и подарила ему

улыбку, от которой Феликса ощутимо передёрнуло. Не зная, что делать, я чуть крепче схватила его локоть и второй рукой осторожно погладила по предплечью.

Ну я и балда! Так ведь только хуже сделаю! Но к моему удивлению герцог слегла расслабился. Девушка нежным голоском сказала:

– И правда, удивительная встреча. Мы так давно не виделись, Феликс. Как ты?

Ты? В каких же отношениях они были, что она так легко обращалась к нему на «ты»? Почему-то меня не смущала фамильярность Эрнеста, но эта особа...

Ну вот, уже и ревную. Дожили!

– Превосходно, – сухо ответил Феликс. – Программа очень насыщенная, хочется всё успеть, посему не обессудьте – вынуждены откланяться.

– Постойте, но... – начала было Виктория, протянув руку в его сторону, но Феликс волоком протащил меня мимо них, желая скорее закончить этот диалог.

– А, ну теперь-то я поняла, как этикет работает, – пробормотала я, едва поспевая за его шагами.

– Без комментариев, а то я могу и вернуть нас в эту приятную компанию.

– Молчу-молчу!

Побег бы нам удался, если бы не тихий насмешливый голос Сникердудля, произнёсший:

– Подбираешь за мной мусор, Септим?

В синих глазах Феликса полыхнуло что-то воистину inferнальное. Тут-то я и вспомнила, что говорил о нём папа: у него очень холодный, но вспыльчивый характер. Когда он повернулся к Эрнесту, вокруг нас сияла синяя искрящаяся аура, а за спиной Феликса вырисовывался контур крыльев. Это длилось всего несколько мгновений, но растущие вдоль дорожки кусты накренило, будто бы их снесло взрывом.

– Ох, как неловко, – воскликнула Виктория и активно заработала веером. – Прошу вас, господа, давайте без насилия!

– Твоя ложь меня не заденет, – неожиданно спокойно сказал Феликс.

– Ложь? – хохотнул Эрнест. – О, в своём добровольном изгнании ты, видимо, не в курсе новостей. Или это моя бывшая невеста наплела тебе, что её оболгали? Впрочем, не удивляюсь, что ты ей поверил. У этой дамы, – он мерзко ухмыльнулся, – есть свои способы убеждать.

Виктория притворно ахнула и прикрыла рот веером. Я сжала ладони в кулаки так сильно, что ногти впились в кожу.

– А давайте всё же с насилием? – шёпотом предложила я Феликсу. – Можно я доломаю ему нос? Вот не поверю, что в правилах этикета написано: «Леди не должны ломать носы людям»!

– Кажется, и правда не написано, – озадаченно пробормотал Феликс. – Но это как-то несолидно. Давай испортим ему настроение словом.

– И слово это пидо...

– ...раз уж ты поднял эту тему, Эрнест, – обратился Феликс, и во взгляде его появилась хитринка. – На твоём месте я бы поменьше болтал о таких вещах. Ведь когда вскроется правда, ты будешь выглядеть жалко. Сначала тебе припомнят то, что ты оболгал Лидию, а потом начнут задаваться вопросом, от кого на самом деле ты подхватил свою болячку... О, какой будет скандал.

О, вот он, профессиональный игрок! Превосходство в глазах, лёгкая ухмылка на губах – я едва узнавала того унылого дракона. Кажется, не только мой чай мог вывести его из меланхолии. Феликс источал такую уверенность, что самодовольство Хосеншайссера как ветром сдуло.

– Ты блефуешь! – воскликнул он нервно.

– А ты своей реакцией сразу подтвердил, что я прав.

– Ты не сможешь доказать это, – злобно прищурился Эрнест. Голос его превратился в шипение. Змеюка он всё же, а не дракон. – Твоё слово против моего, слово подкупленных мною врачей против нанятых тобой! Ты будешь трубить на каждом углу, что Лидия невинна, а я буду повторять, что эта потаскуха меня заразила!

– Да я из твоего носа сливочное повидло сделаю, пародия на Киркорова! – не выдержала я, совершая бросок кобры.

Не знаю, каким чудом Феликс меня поймал. Я трепыхалась в его руках, как птица в силках, чувствуя, как злые слёзы текут по лицу. Герцог неловко прижал меня к себе, и его стальной голос отчеканил:

– Исчезни немедленно, если не хочешь, чтобы эта гала закончилась дуэлью двух драконов.

– Ты правда станешь драться со мной, Септим? – расхохотался Эрнест. – Выкупил долги её семьи, защищаешь... что ты нашёл в ней? Лидия серая мышь без характера, без плантаций своего папаша она ноль на рынке невест!

– У тебя был шанс, – прорычал Феликс, и воздух вокруг снова наполнился электрическими разрядами.

Виктория закатывала глаза и обмахивалась веером, стараясь привлечь внимание Эрнеста, но взгляд того был устремлён только на Феликса. Как порядочной девушке, мне стоило, конечно, взять пример с этой дамы и начать демонстративно увещевать моего спутника в том, что драка вовсе не необходима.

Проблема в том, что я искренне была не против драки! Ну раз мне самой не давали выбить дурь из герцога Хрюхеншвайнера, пусть уж герцог Септим разомнёт кулаки, хоть взбодрится немного. Смущало лишь то, что бывший жених был всё же покрупнее Феликса и не отличался благородством – от такого честной драки не жди.

– Феликс, думаю, всё же не стоит... – осторожно начала я, но моей кожи вдруг коснулся лёгкий разряд, как статическое электричество. Я ойкнула.

– Лучше отойди, Лидия, – стальным голосом сказал Феликс. – Леди не место в центре драки драконов.

Новый разряд заставил меня воскликнуть:

– Что ж, я болею за тебя!

И поскорее отойти подальше от синих искр, что плясали в воздухе. Ну их, драконов, с их магией. Виктория тоже поспешила отдалиться. Как раз вовремя – и без того сгустившийся воздух затрещал, к синим искрам добавились фиолетовые язычки пламени, а вокруг герцогов появились полупрозрачные очертания крыльев, которые становились всё больше и приобретали материальность, в то время как мужчины словно растворялись в образе драконов.

Это были огромные чудовища! Эрнест даже в виде дракона оставался всё таким же пёстрым павлином, в то время как чешуя Феликса казалась словно сотканной из лунного света. Он был меньше Эрнеста, изящнее и грациознее, в то время как герцог Гурренлаганн на его фоне выглядел грузным и неповоротливым. Тем не менее, он первый атаковал.

Феликсу не составило труда увернуться. Он распахнул кожистые крылья, подлетая в воздух, и из-под них, как из грозового облака, вырвались молнии, от которых Эрнест закрылся хвостом. Раскрыв пасть, он выдохнул в сторону Феликса фиолетовое пламя, подпалив кроны деревьев.

Представление начинало привлекать внимание гостей.

Как вдруг послышался щелчок пальцев, и магия осыпалась, словно конфетти. Феликс чудом успел опуститься на землю, прежде чем драконью ипостась сорвало с него чужим вмешательством. Герцоги, снова приняв человеческий облик, озадаченно заозирались вокруг, пытаясь понять, что

так играючи подавило их силу.

Рядом со мной и Викторией возник высокий мужчина, словно целиком сотканный из золота: такими были его длинные волосы, шёлковый костюм и даже кожа, кажется, сияла. Он появился словно из ниоткуда, так что я испуганно дёрнулась, но он подарил мне чарующую белозубую улыбку.

– Прошу прощения, милая леди, – бархатно произнёс он и прикоснулся губами к моей перчатке. – Не хотел напугать столь прелестное дитя. Не видел вас раньше на гале. Кто вы?

– Я... Лидия, – растерянno пробормотала я. – А вы?

Виктория издала, судя по звуку, предсмертный хрип. Мужчина заинтересованно дёрнул бровью.

– Даже так? Зовите меня Галлагер, к вашим услугам. Думаю, вы сегодня ещё услышите обо мне.

Подмигнув, он прошёл к драконам, оставив меня озадаченно моргать ему в след. В своём шоке я была не одинока – Виктория, кажется, теперь не в силах была закрыть рот. Но стоило Галлагеру отдалиться, как она фурией налетела на меня.

– Вы сумасшедшая, признайтесь?!

– Да что я сделала? Поздоровалась с вежливым дядькой, – заметила я осторожно, закрываясь руками от веера, которым она пыталась меня атаковать.

Нет, этикет всё ещё оставался для меня непостижимым. Почему представиться этому галантному мужчине было чуть ли не преступлением в глазах Виктории, а пытаться избить

меня веером ей казалось абсолютно нормальным?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.